

Применимость и применение международного гуманитарного права в отношении многонациональных сил

Д-р Тристан Ферраро*

Д-р Тристан Ферраро является юридическим советником Правового отдела штаб-квартиры Международного Комитета Красного Креста в Женеве.

Краткое содержание

Многонациональный характер операций в пользу мира и рост насилия в ситуациях развертывания миротворческих контингентов повышают в наши дни вероятность того, что последние будут вынуждены прибегнуть к применению силы. Таким образом, возрастает необходимость понять, когда и как к их действиям применимо международное гуманитарное право (МГП). В настоящей статье предпринята попытка выяснить, при каких условиях МГП применимо к многонациональным силам, в какой степени данный корпус права применяется к операциям в пользу мира, каким образом определяются стороны в конфликте, где начинается многонациональная операция в пользу мира и каким образом такой конфликт может быть классифицирован. Наконец в статье затрагивается важный вопрос длительности и географической сферы применения МГП, а также его применения в отношении лиц во время операций в пользу мира.

Ключевые слова: многонациональные операции, многонациональные силы, международное гуманитарное право, МГП, применимость МГП.

: : : : : :

* Настоящая статья отражает личные взгляды автора, которые не обязательно совпадают с точкой зрения МККК.

С годами сфера ответственности и задачи, которые ставятся перед многонациональными силами, вышли за пределы их традиционных обязанностей мониторинга за соблюдением соглашения о прекращении огня и наблюдения за соблюдением хрупких мирных договоренностей. Собственно говоря, спектр операций, в которых участвуют многонациональные силы (далее — «операции в пользу мира» или «многонациональные операции»)¹, будь то под эгидой или контролем и командованием Организации Объединенных Наций (ООН) или под командованием и контролем НАТО, постоянно расширяется и ныне охватывает такие различные аспекты, как предупреждение конфликта, миротворчество, установление мира, принуждение к миру и укрепление мира. Миссии многонациональных сил в Афганистане, Демократической Республике Конго (ДРК), Сомали, Ливии и Мали более не ограничиваются обеспечением соблюдения соглашения о прекращении огня или мониторингом буферных зон, для них характерно участие этих сил в военных операциях, нацеленных на уничтожение самых разных угроз, особенно исходящих от негосударственных вооруженных групп в вооруженном немеждународном конфликте.

На сегодняшний день разноплановость таких миротворческих миссий и все более усложняющаяся обстановка насилия, в которой приходится действовать их персоналу, делают настоятельно необходимым разработку четких рамок, включая и правовой аспект, чтобы учитывать всю их сложность. Поскольку все новые аспекты деятельности многонациональных сил повышают вероятность применения ими силы, вопрос о том, когда и каким образом международное гуманитарное право (МГП) применимо к их действиям, становится все более актуальным. Хотя на первый взгляд может показаться, что все, что можно сказать по этому поводу, уже давно сказано, ряд неразрешенных юридических вопросов в отношении операций в пользу мира, оправдывают их более подробное изучение, что обусловлено их важностью и потенциальными последствиями.

1 В публичном международном праве отсутствует четкое определение операции в пользу мира. Термины «операция в пользу мира», «операция по поддержанию мира», «миротворческая операция» или «операция по принуждению к миру» не фигурируют в Уставе ООН. Они трактуются самым различным образом (см. например: *United Nations Peacekeeping Operations: Principles and Guidelines*, United Nations, New York, 2008) и порой взаимозаменяемы. Общий анализ определения операций в пользу мира см.: Marten Zwanenburg, *Accountability of Peace Support Operations*, Martinus Nijhoff Publishers, 2005, pp. 11–50.

В настоящей статье термин «операции в пользу мира» охватывает как миротворческие операции, так и операции по принуждению к миру, проводимые международными и региональными организациями, а также коалициями государств от имени международного сообщества во исполнение резолюции Совета Безопасности ООН, принятой в соответствии с Главами VI, VII или VIII Устава ООН. Хотя большинство многонациональных операций в пользу мира проводятся под контролем и командованием либо ООН, либо Североатлантического альянса (НАТО), в настоящей статье также учитывается растущая роль и других международных организаций, таких как Африканский союз (АС) или Европейский союз (ЕС). Выражение «миротворческие силы» и «многонациональные силы» в данной статье взаимозаменяемы.

Обращая внимание читателя на сущностное различие между *jus ad bellum* и *jus in bello*, автор делает попытку прояснить условия, при которых МГП становится применимым к действиям многонациональных сил, и определить степень применимости данного корпуса права к операциям в пользу мира. В статье также делается попытка рассмотреть сложный вопрос определения того, какие международные организации и (или) государства, участвующие в операции по поддержанию мира, должны считаться сторонами в вооруженном конфликте. Помимо этого здесь рассматривается классификация конфликтов с участием многонациональных сил и выявляются соответствующие разделы МГП, применимые в подобных ситуациях. Наконец автор рассматривает важный вопрос — когда и где применяется МГП, а также его применение в отношении лиц в операциях в пользу мира.

Важность проведения различия между *jus in bello* и *jus ad bellum* для операций в пользу мира

Обоснование и правовые основы различия

Могут ли многонациональные силы принимать участие в вооруженном конфликте? Это вопрос спорный. В прошлом государства и международные организации, принимавшие участие в операциях в пользу мира, не проявляли большого энтузиазма по поводу применимости МГП к их действиям.

В отношении многих операций в пользу мира (как в прошлом, так и в настоящем) считалось, что многонациональные силы не могут являться стороной в вооруженном конфликте и, соответственно, они не обязаны выполнять положения МГП. Подобная позиция основана на том, что миротворческие силы обычно выступают от лица всего международного сообщества и это не позволяет им считаться «стороной» в вооруженном конфликте или «державой» по смыслу Женевских конвенций 1949 г., и, следовательно, с точки зрения МГП они не могут считаться воюющими. Полагали, что для того, чтобы многонациональные силы считались легитимными в соответствии с международным правом, они должны быть беспристрастными, проявлять объективность, сохранять нейтралитет и заниматься исключительно восстановлением и сохранением международного мира и безопасности². Подобную позицию например, занимали некоторые страны,

2 См.: Daphna Shrager and Ralph Zacklin, 'The Applicability of International Humanitarian Law to United Nations Peacekeeping Operations: Conceptual, Legal and Practical Issues', *Report to the Symposium on Humanitarian Action and Peacekeeping Operations*, 22–24 June 1994, ICRC, Geneva, 2004, pp. 39–48; Daphna Shrager, 'The Applicability of International Humanitarian Law to Peace Operations, from Rejection to Acceptance', paper submitted to the 31st Round Table on Current Problems of International Humanitarian Law, International Humanitarian Law, Human Rights and Peace Operations, 4–6 September 2008, International Institute of Humanitarian Law, San Remo, 2009, pp. 82–89.

предоставлявшие миротворческие контингенты для участия в операциях НАТО в Афганистане³ и Ливии⁴. Как представляется, Генеральный секретарь ООН выразил схожее мнение в отношении действий сил ООН в Кот-д'Ивуаре в 2011 г.⁵

Операции недавнего времени также сопровождалась таким толкованием права, при котором предполагается, что в тех случаях, когда вооруженные силы выступают от имени международного сообщества, условия, ведущие к применению МПП, могут быть другими⁶. В соответствии с подобными теориями в отношении определенных операций в пользу мира, проводимых предоставляющими воинские контингенты государствами и (или) международными организациями, МПП не будет применяться, или будет применяться иным образом, или будет лишь концепцией.

Тем не менее вне зависимости от подобных споров МПП не содержит положений, которые не позволяли бы многонациональным силам становиться стороной в вооруженном конфликте, если удовлетворяются условия применимости МПП⁷. Тот аргумент, что МПП не применимо к воен-

- 3 Например, см. позицию, которую в 2008 г. выразил министр иностранных дел Франции Бернард Кушнер, выступая перед парламентской комиссией. По его мнению, Франция не участвовала в вооруженном конфликте в Афганистане, поскольку ее войска действовали во исполнение резолюции Совета Безопасности ООН и преследовали цель восстановления международного мира и безопасности в соответствии с Уставом ООН. См.: *Assemblée Nationale, XIIIe Législature, Compte rendu n°46, Commission de la Défense Nationale et des Forces Armées, mardi 28 août 2008*, p. 16.
- 4 См.: Ola Engdahl, 'Multinational Peace Operations Forces in Armed Conflict: Who are the Parties?', in Kjetil Mujezinovič Larsen, Camilla Gundahl Cooper and Gro Nystuen (eds), *Searching for a 'Principle of Humanity' in International Humanitarian Law*, Cambridge, 2012, p. 259. Автор ссылается на заявление премьер-министра Норвегии, указавшего на то, что норвежские военнослужащие не могут считаться законной целью во время участия в операциях НАТО в Ливии, поскольку они входят в состав миссии ООН.
- 5 4 апреля 2011 г. агентство Рейтер процитировало Генерального секретаря ООН Пан Ги Муну, который сказал: «Я хочу особо подчеркнуть, что Операция Организации Объединенных Наций в Кот-д'Ивуаре (ONUCI) не является стороной в конфликте. В соответствии с мандатом, предоставленным ей Советом Безопасности, эта миссия действовала в рамках самообороны, а также для защиты гражданского населения». В 1996 г. аналогичную позицию занял и военный суд в Канаде (см.: Court Martial Appeal Court of Canada, *Her Majesty the Queen v. Private DJ Brocklebank*, Court File No. СМАС-383, 2 April 1996, 106, Canadian Criminal Cases, 134 DLR (4th) 377. В данном деле Суд не посчитал, что миротворческая миссия ООН являлась стороной в вооруженном конфликте. Тем не менее Суд употребил весьма абстрактное и старомодное толкование термина «миротворческая миссия» и обнаружил, что миссия, сформированная в соответствии с Главой VI, никогда не может стать стороной в вооруженном конфликте. Суд проигнорировал тот факт, что зыбкость границы между миротворчеством и принуждением к миру в современных миссиях означает, что при определенных обстоятельствах силы, развертываемые в соответствии с мандатом, основанным на Главе VI, могут с легкостью оказаться втянутыми в военные действия.
- 6 См.: Paul Berman, 'When Does Violence Cross the Armed Conflict Threshold? Current Dilemmas', *Proceedings of the 13th Bruges Colloquium, Scope of Application of International Humanitarian Law, 18–19 October 2012*, Collegium No 43, Autumn 2013, College of Europe-ICRC, p. 41.
- 7 Утверждение, будто многонациональные силы нельзя считать стороной в вооруженном конфликте (и поэтому они не связаны положениями данного корпуса права), не имеет под собой никакого серьезного основания. В самом деле, анализ различных воинских наставлений показывает, что некоторые из них однозначно характеризуют миротворческие силы как сторону в вооруженном конфликте (см.: United States, FM 27-10, *Department of the Army Field Manual, The Law of Land Warfare*, July 1956, Appendix A-3s, section 8. A; Nigeria, Directorate of Legal Services of the Nigerian Army, *International Humanitarian Law (IHL)*, pp. 26–27; Peru, Ministry of Defence, Manual

ным операциям многонациональных сил, должен быть отвергнут, так как он стирает уже давно существующее в международном публичном праве различие между *jus in bello* и *jus ad bellum*. В самом деле, в силу указанного различия применимость МГП к многонациональным силам и всем другим участникам зависит исключительно от того, какая в реальности превалирует обстановка, независимо от того, какой именно мандат эти силы получили от Совета Безопасности или как называют их потенциальных

para las Fuerzas Armadas, May 2010, p. 242; Spain, General Staff of the Armed Forces, *Orientaciones, El Derecho de los Conflictos Armados*, March 1996, Vol. 1, sections 1–7 and 1–8), в то время как другие, не указывая определенно на многонациональные силы как сторону в вооруженном конфликте, тем не менее признают, что при определенных условиях МГП может применяться к проводимым ими военным операциям (например, см.: Argentina, Ministry of Defence, *Manual de Derecho Internacional de los Conflictos Armados*, 2010, pp. 79–85; Australia, Royal Australian Air Force, *Operations Law for RAAF Commanders*, 2nd edition, 2004, p. 37; Germany, Federal Ministry of Defence, *Humanitarian Law in Armed Conflicts — Manual*, August 1992, p. 24; New Zealand, New Zealand Defence Force, *Interim Law of Armed Conflict Manual*, 1992, pp. 19–3, para. 1902.2; The Netherlands, *Humanitair Oorlogsrecht, Handleiding*, 2005, p. 207). В этом отношении одним из наиболее важных документов является британское наставление *Joint Service Manual of the Law of Armed Conflict* (Наставление по праву вооруженных конфликтов для всех видов вооруженных сил), где сказано:

«14.3. Степень, в какой силы, участвующие в операции по поддержанию мира, подпадают под действие права вооруженных конфликтов, зависит от того, являются ли они стороной в вооруженном конфликте с вооруженными силами государства или структуры, которая в этих целях рассматривается как государство...»

14.5. Миротворческие силы могут становиться стороной в вооруженном конфликте и таким образом подпадать под действие права вооруженных конфликтов:

а. в тех случаях, когда с самого начала, в рамках стоящей перед ними задачи, полученный ими мандат предполагает их участие в военных действиях с противостоящими им вооруженными силами...; б. В тех случаях, когда их личный состав, хотя изначально и не получавший подобной задачи, оказывается вовлеченным в военные действия в качестве комбатантов... в такой степени, что между миротворческими силами и силами, им противостоящими, возникает вооруженный конфликт. Подобная ситуация может произойти в операции по поддержанию мира любого типа...

14.7. Порой трудно сказать, стали ли миротворческие силы стороной в вооруженном конфликте, или определить момент, когда это произошло...» (British Ministry of Defence, *The Joint Service Manual of the Law of Armed Conflict*, 2004, pp. 378–379).

Аналогичная позиция была уже выражена в 2002 г. Европейским союзом в документе под названием *Salamanca Presidency Declaration* (Саламанкская декларация), в соответствии с которым «соблюдение МГП имеет важное значение во время операций, проводимых под эгидой ЕС, когда обстановка, в которой они действуют, представляет собой вооруженный конфликт, в котором такие силы являются одной из сторон» (см.: *The Outcome of the International Humanitarian Law Seminar of 22–24 April 2002 in Salamanca*, doc. DИH/Rev.01.Corr.1. Фредерик Наерт считает, что «при получении задачи действовать на театре военных действий, где имеет место вооруженный конфликт, широкий мандат может привести к тому, что силы ЕС окажутся вовлеченными в боевые действия и превратятся в сторону в конфликте, даже если изначально этого не предполагалось» (F.Naert, *Observance of international humanitarian law by forces under the command of the European Union*, in *International Review of the Red Cross*. 2013, № 891/892). В своей статье Катарина Гренфель пишет: «По мнению автора, в соответствии с общими принципами МГП, как это указывается в Бюллетене Генерального секретаря, принципы и нормы МГП применимы в отношении миротворческих операций ООН во всех случаях, когда силы ООН участвуют в таких военных действиях, направленных против государства или достаточно организованной негосударственной вооруженной группы, которые превращают их в «сторону в конфликте» (K. Grenfell, “Perspective on the applicability and application of international humanitarian law: the UN context”, in *International Review of the Red Cross*. 2013, № 891/892). Наконец необходимо отметить, что в 1971, 1975 и 1999 г. Институт международного права принял резолюции, в которых однозначно признается, что силы ООН могут участвовать в вооруженном конфликте.

оппонентов. Решение этого вопроса будет зависеть от того, выполняются ли определенные юридические условия, вытекающие из соответствующих норм МГП, в частности из статей 2 и 3 Женевских конвенций 1949 г. Мандат и легитимность задачи, которая ставится многонациональным силам, — это вопросы, подпадающие под действие *jus ad bellum*, и они не имеют значения для применимости МГП к операциям в пользу мира. Легитимность или нелегитимность применения силы не могут освободить ни одну из сторон, включая многонациональные силы, от обязательств, которые налагает на них МГП, или же лишить кого-либо защиты, которая предоставляется данным корпусом права. Государства или международные организации, принимающие участие в операциях в пользу мира, не могут просто решить, что они не участвуют в вооруженном конфликте, если объективный анализ обстановки указывает обратное.

Недавно возникшие особенности операций в пользу мира ставят под вопрос прежде существовавшую дихотомию между миротворческими операциями, проводимыми в рамках Главы VI, и операциями по принуждению к миру, осуществляемые в соответствии с Главой VII Устава ООН. Соответственно, мандат, выданный многонациональным силам Советом Безопасности, должен рассматриваться не как условие, определяющее применимость МГП, а как один из показателей⁸. Хотя вероятность применения силы миротворческими силами, развертываемыми в рамках Главы VII, действительно выше, чем миротворцами, действующими в рамках Главы VI, так происходит далеко не всегда. Сама по себе резолюция в рамках Главы VII не превращает соответствующие многонациональные силы в сторону в вооруженном конфликте⁹. Соответственно, с течением времени силы, действующие в рамках Главы VI, могут оказаться вовлечены в военные действия и столкнуться с необходимостью применять МГП в результате вновь возникших обстоятельств, комбинированного мандата, предусматривающего действия как в рамках Главы VI, так и в рамках Главы VII, или же в силу постепенного расширения деятельности миссии, которое превращает «исключительно» миротворческую операцию в операцию по принуждению к миру.

Изменчивость ситуации, в которой все чаще действуют многонациональные силы, означает, что следует обращать меньше внимания на то,

8 Характер мандата, выданный Советом Безопасности, имеет значение лишь в отношении вероятности применения миротворцами силы и их превращения в одну из сторон в вооруженном конфликте. Противоположную точку зрения см.: E. T. Bloom, 'Protecting Peacekeepers: the Convention on the Safety of United Nations and Associated Personnel', in *American Journal of International Law*, Vol. 89, 1995, p. 626.

9 Одним из таких примеров может стать развертывание сил ЕС в ДРК в 2003 г. Хотя они и действовали в соответствии с Резолюцией 1484, принятой в рамках Главы VII, европейские миротворческие контингенты не были втянуты в боевые действия и им так и не пришлось применять МГП к своим действиям. См.: Frederik Naert, 'The Application of International Humanitarian Law and Human Rights Law in CSDP Operations' in Enzo Cannizzaro, Paolo Palchetti and Ramses A. Wessel (eds), *International Law as Law of the European Union*, Martinus Nijhoff Publishers, Leiden, 2011, pp. 189–212, в частности p. 193.

как называется миссия, а также на то, действует ли она в рамках Главы VI или VII, но необходимо оценивать реально существующую обстановку, как этого требует МГП.

Если ставить применение МГП в зависимость от законности применения силы, которое спровоцировало вооруженный конфликт, или от субъективного восприятия легитимности целей, стоящих перед воюющей стороной, потеряют всякий смысл сами цели и задачи МГП, то есть защита тех, кто не принимает или более не принимает участия в вооруженном конфликте. Если прийти к выводу, что МГП не применяется или применяется особым образом к стороне, которая действует в вооруженном конфликте, с ее точки зрения являющимся «справедливым», это произвольным образом лишит жертв такого конфликта защиты, которую предоставляют им нормы МГП. Это также даст возможность сторонам в вооруженном конфликте отрицать свои обязательства в соответствии с МГП, заявляя, что применение противником силы было незаконным, или подчеркивая международно-правовую легитимность своих собственных действий. Наконец, позиция, в соответствии с которой МГП не регулирует военные операции, ведущиеся многонациональными силами, создает правовой вакуум: если в подобной ситуации не применимо МГП, то какой корпус права будет применяться?

Четкое разграничение между *jus in bello* и *jus ad bellum* прочно утвердилось в договорном праве, равно как и в национальном законодательстве и решениях международных судебных органов.

Хотя по мнению некоторых исследователей в договорном праве ссылки на указанное различие на удивление редки, выражены неявным образом¹⁰, оно, безусловно, нашло отражение в формулировках статьи 1, общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 г., в соответствии с которой «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются при любых обстоятельствах соблюдать и заставлять соблюдать настоящую Конвенцию» (курсив автора)¹¹.

Аналогичным образом применительно к международному вооруженному конфликту общая статья 2 Женевских конвенций указывает, что МГП «будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта». Это говорит о том, что ни применимость, ни

10 См.: Rotem Giladi, 'The *Jus Ad Bellum* / *Jus In Bello* Distinction and the Law of Occupation', in *Israel Law Review*, Vol. 41, 2008, p. 251.

11 По этому поводу в Комментариях к общей ст. 1 Женевских конвенций 1949 г. поясняется, что «выражение “при любых обстоятельствах” означает, что, если соблюдается одно из условий применения, предусмотренных ст. 2, Высокие Договаривающиеся Стороны не могут привести никаких веских оснований правового или иного характера для несоблюдения положений Конвенции в полном объеме. Соответствующее выражение также означает, что применение Конвенции не зависит от характера конфликта. Независимо от того, «справедлива» или «несправедлива» война, носит она агрессивный характер или является защитой от агрессии, входит в ее задачи лишь оккупация территории или ее аннексия — все это ни в какой степени не влияет на обращение, которым пользуются покровительствуемые лица» (Jean Pictet (ed.) *Commentary to the Fourth Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War*, International Committee of the Red Cross, Geneva, 1958, pp. 16–17).

само применение МГП не могут зависеть от оценки законности или легитимности военных операций, проводимых многонациональными силами.

Различие между *jus in bello* и *jus ad bellum* также четко выражено в преамбуле к Дополнительному протоколу I от 1977 г.¹²:

«...подтверждая далее, что положения Женевских конвенций от 12 августа 1949 года и настоящего Протокола должны при всех обстоятельствах полностью применяться ко всем лицам, которые находятся под защитой этих документов, без какого-либо неблагоприятного различия, основанного на характере или происхождении вооруженного конфликта или на причинах, выдвигаемых сторонами, находящимися в конфликте, или приписываемых им».

Применение указанных норм в контексте операций в пользу мира означает, что многонациональные силы, действующие в соответствии с мандатом, полученным от Совета Безопасности, не могут ссылаться на свой особый статус, чтобы доказать, что МГП к ним не применимо или применительно особым образом.

Обоснованность и важность четкого различия между *jus in bello* и *jus ad bellum*, а также его результатов, а именно принципа равенства всех воюющих перед МГП, подтверждается не только договорным правом, но и решениями международных и национальных судебных органов, многочисленными исследователями и большим количеством военных наставлений.

В частности, важным этапом в проведении четкого различия между *jus in bello* и *jus ad bellum* стало решение Американского военного трибунала по делу о заложниках в Нюрнберге¹³. Остальные решения по военным преступлениям, совершенным во время Второй мировой войны, продемонстрировали аналогичный подход и подтвердили важность сохранения указанного различия¹⁴. Вслед за прецедентами, созданными последовательными судебными решениями, он получил полную поддержку со стороны правоведов, которые подтвердили, что правовой статус воюющих в рамках *jus ad bellum* не влияет на применимость и применение МГП¹⁵.

12 Поскольку ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. указывает, что преамбула правового договора является составной частью контекста, в котором происходит толкование норм этого документа, очевидно, что любое обсуждение проблемы применимости МГП никак не может игнорировать условия, сформулированные в преамбуле Дополнительного протокола. Эти условия составляют основу объективной оценки применимости МГП, которая не допускает учета никаких политических соображений и на которую никак не действуют критерии *jus ad bellum*.

13 См.: US Military Tribunal at Nuremberg. *Trial of Wilhelm List and others (The Hostages Trial)*, 1949, Law Reports of Trials of War Criminals Vol. VIII, United Nations War Crimes Commission, London, 1949, p. 59.

14 См.: Keichiro Okimoto. *The Distinction and Relationship between Jus ad Bellum and Jus in Bello*, Hart Publishing, 2011, p. 17; Alexander Orakhelashvili, 'Overlap and Convergence: the Interaction Between Jus ad Bellum and Jus in Bello', in *Journal of Conflict and Security Law*, Vol. 12, 2007, pp. 167–170.

15 См., например: Charles Rousseau, *Le droit des conflits armés*, Pédone, Paris, 1983, pp. 24–26; Myres McDougal and Florentino Feliciano, *The International Law of War*, New Haven Press, 1994, pp. 530–542; Yoram Dinstein, *War, Aggression and Self-Defence*, 4th ed., Cambridge University Press, 2004, pp. 156–163; Leslie Green, *The Contemporary Law of Armed Conflict*, 2nd ed., Manchester University

Различие между *jus in bello* и *jus ad bellum* также нашло четкое отражение в ряде военных наставлений¹⁶.

Все сказанное свидетельствует о том, что действие *jus in bello* не зависит от *jus ad bellum* и что ни право, ни практика не оправдывают никаких исключений для многонациональных сил. Различие между *jus in bello* и *jus ad bellum* необходимо сохранять¹⁷ — даже тогда, когда в конфликт вовлекаются многонациональные силы — с тем чтобы сохранить целостность МГП и те гуманитарные цели, которые преследует данный корпус права¹⁸.

Press, 2000, pp. 18–19; Christopher Greenwood, 'International Humanitarian Law', in Frits Kalshoven (ed.), *The Centennial of the First International Peace Conference — Reports and Conclusions*, Kluwer, Boston, 2000, pp. 173–192; François Bugnion, 'Guerre juste, guerre d'agression et droit international humanitaire', in *International Review of the Red Cross*, Vol. 84, No 847, September 2002, pp. 523–546; K. Okimoto, примечание 14 выше; Marco Sassòli, 'Jus ad Bellum and Jus in Bello, the Separation between the Legality of the Use of Force and Humanitarian Rules to be Respected in Warfare: Crucial or Outdated?', in *International Law of Armed Conflict: Exploring the Fault Lines, Essays in Honour of Yoram Dinstein*, Martinus Nijhoff Publishers, 2007, pp. 241–264; Christopher Greenwood, 'The Relationship between *Jus ad Bellum* and *Jus in Bello*', in *Review of International Studies*, Vol. 9, 1983, pp. 221–234; Ryan Goodman, 'Controlling the Recourse to War by Modifying Jus in Bello', in *Yearbook of International Humanitarian Law*, Vol. 12, 2009, pp. 53–84; Jasmine Moussa, 'Can "Jus ad Bellum" Override "Jus in Bello"? Reaffirming the Separation of the Two Bodies of Law', in *International Review of the Red Cross*, Vol. 90, No 872, December 2008, pp. 963–990. Эти авторы в целом поддерживают точку зрения, так удачно выраженную в 1940 г. Хершем Лаутерпахтом: «Независимо от того, что послужило началу разразившейся войны, служит ли она так называемому правому делу, одни и те же нормы международного права действуют как в отношении того, чего делать нельзя, так и в отношении того, что следует делать самим воюющим сторонам при ведении войны друг против друга... Это так даже в тех случаях, когда декларация войны *ipso facto* является нарушением международного права, когда воюющая сторона объявляет войну нейтральному государству за то, что оно запретило проход его войск, или когда государство начинает войну в нарушение своих обязательств, вытекающих из Пакта Лиги Наций или Общего договора об отказе от войны в качестве орудия национальной политики... Нормы международного права применимы в войне независимо от породивших ее причин» (Hersch Lauterpacht, *Oppenheim's International Law*, 6th ed., 1940, pp. 174–175). Это юридическое толкование, несомненно, сохраняет свою актуальность. Оно может быть применено к операциям в пользу мира, чтобы со всей силой подтвердить применимость МГП во всех тех случаях, когда многонациональные силы вовлекаются в вооруженный конфликт как международного, так и немеждународного характера.

16 Например, см.: *The Interim Law of Armed Conflict Manual*, DM 112, Directorate of Legal Services, New Zealand Defence Force, Wellington, New Zealand, 1992, p. 19, para. 1902; *The Joint Service Manual...* (примечание 7 выше), section 3.12 entitled 'Universal Application of the Law of Armed Conflict'.

17 См. Grenfell, К. (примечание 7 выше).

18 Как показывают операции в пользу мира, проводившиеся в последнее время, многонациональные силы вовлекаются скорее во внутренний, чем в международный вооруженный конфликт, и тогда встает вопрос: можно ли в таких ситуациях прибегать к строгому различию между *jus in bello* и *jus ad bellum* и продолжает ли по-прежнему действовать вытекающий из этого принцип равенства воюющих сторон? Действительно, можно сказать, что во внутреннем конфликте строгое различие не действует, так как международное право подобные конфликты не запрещает и признает, что все государства имеют право применять силу для защиты своей территориальной целостности и подавления мятежа. Однако на национальном уровне практически все государства приняли законодательство, запрещающее гражданам братья за оружие в борьбе против правительства. Поэтому важно рассмотреть взаимоотношение между подобным национальным законодательством и МГП. Мешает ли применению МГП и лежащих в его основе принципов тот факт, что одна из сторон немеждународного вооруженного конфликта нарушила внутреннее законодательство, прибегнув к силе в борьбе с правительством? Как представляется, нормы МГП, применимые во время вооруженного немеждународного конфликта, должны быть одними

Последствия строгого разграничения: применение принципа равенства воюющих сторон в операциях в пользу мира

Равенство воюющих сторон имеет конкретное отношение к операциям в пользу мира, так как в прошлом международные организации и государства пытались применять нормы МГП к подобным операциям избирательно, особенно в отношении сил ООН, поскольку их задачей является восстановление и сохранение международного мира и безопасности. Некоторые авторы даже утверждали, подрывая сами основы, на которых зиждется МГП, что, будучи вовлечены в военные действия, многонациональные силы, действующие в рамках Главы VI и VII Устава ООН, должны пользоваться общим иммунитетом от нападения¹⁹.

Однако, что чрезвычайно важно, на практике во время недавних операций в пользу мира ни Совет Безопасности, ни предоставляющие военные контингенты правительства не пытались нарушить принцип равенства в применении норм МГП. Хотя по поводу того, выполняются ли условия, необходимые для применения МГП, звучали возражения, тем не менее как только принималось решение, что такие критерии выполняются, ни одно государство не выступило с требованиями, чтобы к многонациональным силам нормы МГП применялись иначе в связи с особой природой и мандатом этих сил. Так, во время операции НАТО в Ливии в 2011 г. юридический советник Госдепартамента США Гарольд Кох заявил:

«С точки зрения международного права, вооруженные силы США и НАТО принимают участие в вооруженном конфликте в Ливии. Мы обязаны выполнять положения права вооруженных конфликтов, и мы предъявляем к другим участникам конфликта, в том числе и к режиму Каддафи, такие же требования»²⁰.

и теми же для обеих сторон, независимо от того, что одна из них сражается в нарушение национального законодательства. См., например: François Bugnion, 'Jus ad Bellum, Jus in Bello and Non-International Armed Conflicts', in *Yearbook of International Humanitarian Law*, Vol. 6, 2003, pp. 167–198; Marco Sassòli, 'Collective Security Operations and International Humanitarian Law', in *Proceedings of the Bruges Colloquium, Relevance of International Humanitarian Law to Non-State Actors*, 25–26 October 2002, Collegium No. 27, Spring 2003, pp. 84–85. Иными словами, неравный правовой статус воюющих в соответствии с национальным правом не влияет на то, что МГП равным образом применяется ко всем сторонам, участвующим в вооруженном международном конфликте, в том числе к многонациональным силам. Более того, в соответствии со ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., которая предусматривает, что «участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора», национальное законодательство государства, на территории которого проводится операция в пользу мира, и национальные законодательства государств, предоставляющих свои воинские контингенты, не могут служить оправданием для несоблюдения норм МГП, применимых к вооруженному международному конфликту. В этом отношении формулировку первого абзаца ст. 3, общей для всех Женевских конвенций можно интерпретировать как исключющую любую зависимость *jus in bello* от *jus ad bellum* в вооруженном международном конфликте.

19 См.: Walter Gary Sharp, 'Protecting the Avatars of International Peace and Security', in *Duke Journal of International and Comparative Law*, Vol. 7, 1996, pp. 93–183. Также см. работу этого же автора: 'Revoking an Aggressor's License to Kill Military Forces Serving in the United Nations: Making Difference Personal', in *Maryland Journal of International Law*, Vol. 22, 1998, pp. 3–78.

20 Questions for the Record Submitted to Legal Adviser Harold Hongju Koh by Senator Richard G. Lugar, Hearing before the Committee on Foreign Relations, US Senate, June 28, 2011, p. 54, доступно по

Указанная позиция также получила отражение в Наставлении для вооруженных сил Новой Зеландии, где однозначно признается применение принципа равенства воюющих сторон в соответствии с МГП, даже если одна из них является миротворческой и участвует в вооруженном конфликте во исполнение резолюции Совета Безопасности ООН²¹. Анализ военных наставлений других государств, которые недавно принимали участие в операциях в пользу мира, показывает, что, когда миротворческие силы вовлечены в международный или внутренний вооруженный конфликт, ни одно из государств не исключает применения принципа равенства воюющих сторон. Поэтому наличествует общее представление, что многонациональные силы связаны обязательством по соблюдению норм МГП в той же степени, что и их противники, и что принцип равенства воюющих сторон сохраняет свою действенность в тех вооруженных конфликтах, где они принимают участие²².

Отказ от принципа равенства сторон или его толкование имели бы отрицательное воздействие на соблюдение сторонами норм МГП, поскольку у негосударственных вооруженных групп не было бы стимула соблюдать МГП, если бы все нападения на миротворческие силы считались незаконными. Несоблюдение принципа равенства могло бы также отрицательно сказаться на защите миротворческого персонала, так как это могло бы лишить их оппонентов желания соблюдать МГП. Почему сторона, не являющаяся государством, должна соблюдать нормы МГП, касающиеся ведения военных действий, если любое нападение на многонациональные силы считалось бы незаконным, хотя, в соответствии с МГП, когда такие силы участвуют в вооруженном конфликте, они представляют собой

адресу: www.fas.org/irp/congress/2011_hr/libya.pdf (последнее посещение всех интернет-ссылок было в марте 2014 г.).

- 21 См.: *Interim Law of Armed Conflict Manual, DM 112*, Directorate of Legal Services, New Zealand Defence Force, Wellington, New Zealand, 1992, p. 19, para. 1902: «Военные операции, проводимые силами ООН или под эгидой этой организации, будут проводиться лишь в отношении государства, считающегося агрессором или иным образом нарушающего свои обязательства в отношении международного права. В той степени, в какой право вооруженных конфликтов применимо к таким операциям, оно будет применяться на основе полного равенства сторон. То есть тот факт, что одна сторона выполняет правоохранительную функцию в отношении другой стороны, которая нарушает нормы права, не сводит на нет действенность норм МГП».
- 22 См.: Adam Roberts, 'The Equal Application of the Laws of War: a Principle under Pressure' in *International Review of the Red Cross*, Vol. 90, No 872, December 2008, pp. 952–956. Также стоит отметить, что в 1963 г. Институт международного права изучил вопрос о том, будет ли принцип равенства сторон применяться в том случае, если силы ООН окажутся вовлечены в вооруженный конфликт (см.: *Annuaire Français de Droit International*, Vol 9, 1963, pp. 1248–1949). Тот же вопрос был вновь рассмотрен Институтом в 1971 г. В резолюции, принятой в том же году, был сделан вывод, что все гуманитарные нормы права вооруженных конфликтов силами ООН должны соблюдаться (см.: Institute of International Law, Zagreb Session, 3 September 1971, resolution on 'Conditions of Application of Humanitarian Rules of Armed Conflict to Hostilities in which United Nations Forces may be Engaged', in particular Art. 2). В 1975 г. Институт принял решение, что в целом при ведении военных действий, в которых участвуют силы ООН, должны соблюдаться и другие «негуманитарные» нормы права вооруженных конфликтов. Он подтвердил, что силы ООН не должны освобождаться от применения принципа равенства воюющих сторон (см.: Institute of International Law, Wiesbaden Session, 13 August 1975, resolution on 'Conditions of Application of Rules, other than Humanitarian Rules, of Armed Conflict to Hostilities in which United Nations Forces may be Engaged').

законную военную цель? Почему негосударственные вооруженные группы должны стараться захватить противника, если от них требуется немедленно его отпустить в соответствии с Конвенцией о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала 1994 г. (далее — Конвенция о безопасности 1994 г.)? Следовательно, принцип равенства сторон должен соблюдаться, так как на практике он является самой прочной основой поддержания определенных элементов умеренности при ведении вооруженного конфликта.

Несмотря на практическую необходимость принципа равенства воюющих сторон, Конвенция о безопасности 1994 г. поднимает проблему, касающуюся его применения в тех случаях, когда силы, находящиеся под контролем и командованием ООН, принимают участие во внутреннем вооруженном конфликте. Данный документ, который, строго говоря, не относится к документам МГП, содержит положение, согласно которому персонал ООН (в частности военный персонал ООН) во время отдельных операций ООН имеет иммунитет от нападения и тем самым нападения на него должны преследоваться в уголовном порядке.

Конвенция о безопасности 1994 г. не вступала бы в противоречие с МГП, если бы она применялась исключительно в ситуациях, когда силы ООН не являются одной из сторон в вооруженном конфликте. В таком случае она бы просто подтверждала одну из основных целей МГП, а именно защиту гражданского населения от последствий военных действий. Пока силы ООН не принимают участия в вооруженном конфликте, с точки зрения МГП²³ они считаются гражданскими лицами и пользуются защитой, на которую имеет право данный статус.

К сожалению, терминология, используемая в Конвенции о безопасности 1994 г., не столь однозначная, как может показаться на первый взгляд. Действительно, история переговоров, предшествовавших принятию данного документа, говорит о том, что в ней получил отражение другой сюжет, который, по выражению Адама Робертса, состоит в том, что «из всех договоров, касающихся ведения войны, [Конвенция о безопасности 1994 г.] является документом, который, как кажется, наиболее близко подошел к тому, чтобы поставить одну группу солдат выше других»²⁴.

Как представляется, в связи с терминологической неясностью этого документа (особенно ст. 2(2), регулирующего отношение к МГП — так называемого положения-переключателя ('switch clause'))²⁵, в случае вооруженного

23 См.: Хенкертс, Ж.-М., Досвальд-Бек, Л. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Москва, МККК, 2006. Норма 33 и комментарии к ней, с. 146–149.

24 А. Roberts, примечание 22 выше, р. 955.

25 Ст. 2(2) Конвенции о безопасности 1994 г. гласит: «Настоящая Конвенция не применяется к операции Организации Объединенных Наций, санкционированной Советом Безопасности в качестве принудительной меры на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, в которой какой-либо персонал задействован в качестве комбатантов против организованных вооруженных сил и к которой применяется право международных вооруженных конфликтов». Данное положение называют «положение-переключатель» ('switch clause'), оно определяет условия, при которых Конвенция перестает применяться. Это положение явилось результатом компромисса между теми, кто предпочитал взаимоисключение (т. е. Конвенция

немеждународного конфликта применение Конвенции о безопасности 1994 г. и применение соответствующих положений МГП, к сожалению, не является взаимоисключающим²⁶. По этому поводу некоторые эксперты утверждают — на основании обычного смысла, придаваемого терминам, которые используются в Конвенции о безопасности 1994 г., — что защита, предоставляемая Конвенцией о безопасности 1994 г. силам ООН и связанному с ними персоналу, продолжает действовать, когда такие войска принимают участие в вооруженном немеждународном конфликте. Такое положение дел было бы аналогично уже существующему взаимоотношению между внутренним уголовным законодательством страны и нормами МГП, касающимися вооруженного конфликта немеждународного характера.²⁷ Соответственно, Конвенция о безопасности 1994 г. должна была бы предполагать уголовное преследование за действия, направленные против сил ООН и других миротворческих контингентов (в терминологии Конвенции они могут быть обозначены как «связанный с нею персонал» при условии, что такие контингенты предоставляют какую-либо поддержку миссии ООН)²⁸, — действия, которые иначе рассматривались бы как законные в рамках МГП.

На первый взгляд, одновременное применение Конвенции о безопасности и МГП нарушает строгость разделения между *jus ad bellum* и *jus in bello*. Оно также подрывает принцип равенства воюющих сторон, так как ведет к нарушению равновесия в обращении с силами ООН и другими миротворцами, которые квалифицируются как «связанный с нею персонал», с одной стороны, и с вооруженными группами, не представляющими государство — с другой.

не будет применяться в тех случаях, когда к силам ООН, независимо от характера вооруженного конфликта, в котором они принимают участие, будет применяться МГП), и теми, кто предпочитал пересечение положений Конвенции и МГП в случае немеждународного вооруженного конфликта. Соответственно, Ст. 2(2) допускает различные толкования и подверглась критике за то, что она не вносит ясность в вопрос о том, когда применимо МГП и когда применима Конвенция о безопасности 1994 г. Например, см.: Ola Engdahl, *Protection of Personnel in Peace Operations: the Role of the 'Safety Convention' against the background of General International Law*, Martinus Nijhoff Publishers, 2007, pp. 233–241; Ola Engdahl, 'The Status of Peace Operation Personnel under International Humanitarian Law' in *Yearbook of International Humanitarian Law*, Vol. 11, 2008, pp. 121–129.

26 См.: O. Engdahl, *Protection of Personnel in Peace Operations*, примечание 25 выше; Mahnouch H. Arsanjani, 'Defending the Blue Helmets: Protection of United Nations Personnel', in Luigi Condorelli, Anne-Marie La Rosa and Sylvie Scherrer (eds.), *The United Nations and International Humanitarian Law, Actes du colloque international à l'occasion du cinquantième anniversaire de l'ONU*, Pédone, Geneva, 1995, pp. 143–144. Противоположного мнения придерживаются следующие авторы: Keiichiro Okimoto, 'Violations of International Humanitarian Law by United Nations Forces and Their Legal Consequences', in *Yearbook of International Humanitarian Law*, Vol 8, 2003, p. 214; Richard D. Glick, 'Lip Service to the Laws of War: Humanitarian Law and the United Nations Armed Forces', in *Michigan Journal of International Law*, 1995, pp. 82–83; Vaïos Koutroulis, 'Problèmes de symétrie: des brèches du mur de Berlin aux brèches au principe de l'égalité des belligérants?', paper presented at the 4th Biennial Conference of the European Society of International Law in Cambridge, доступно по адресу: www.esil-en.law.cam.ac.uk/Media/Draft_Papers/Agora/Koutroulis.pdf.

27 Ibid.

28 По поводу условий, при которых не принадлежащие ООН силы считались бы «связанным с нею персоналом» в соответствии с Конвенцией о безопасности 1994 г., см.: O. Engdahl, *Protection of Personnel in Peace Operations*, примечание 25 выше, pp. 218–224.

Таким образом, между Конвенцией о безопасности 1994 г. и МГП существует разительный контраст. Однако влияние Конвенции на правовые рамки, регулирующие операции в пользу мира, не стоит переоценивать. Во-первых, воздействие Конвенции смягчается тем фактом, что она не применяется ни к одной операции в пользу мира, так как до сих пор ни одно государство, на территории которого такие операции проводились или проводятся, не стало ее участником²⁹. Во-вторых, большое значение имеет взаимодействие между «положением-переключателем», содержащимся в статье 2(2) Конвенции о безопасности 1994 г., и исключающей оговоркой, содержащейся в статье 20 Конвенции³⁰. Если целью указанной исключающей оговорки, по сути дела, является сохранение целостности МГП³¹, она должна включать основополагающий принцип данного корпуса права, а именно разграничение между *jus ad bellum* и *jus in bello* и его следствие, принцип равенства воюющих сторон.

Наконец статья 8 Римского статута Международного уголовного суда (МУС) в значительной мере ограничивает применение основного принципа, лежащего в основе Конвенции о безопасности 1994 г., в ситуации вооруженного немеждународного конфликта. Действительно, данное положение предусматривает, что умышленное нападение на миссии по поддержанию мира составляет особую категорию военных преступлений в вооруженных конфликтах как международного, так и немеждународного характера, но лишь тогда, когда их персонал, объекты, материалы, подразделения или транспортные средства «имеют право на защиту, которой пользуются гражданские лица или гражданские объекты по международному праву вооруженных конфликтов». Иными словами, хотя умышленное

29 См.: Dieter. F., "The legal status of personnel involved in United Nations peace operations" in *International Review of the Red Cross*, 2013, № 891/892.

30 Ст. 20 Конвенции гласит:

«Ничто в настоящей Конвенции не влияет на:

а) применимость международного гуманитарного права и общепризнанных стандартов в области прав человека, содержащихся в международных документах, в связи с защитой операций и персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала или на обязанность такого персонала соблюдать такое право и такие стандарты;

б) права и обязанности государств согласно Уставу Организации Объединенных Наций в отношении согласия на въезд лиц на их территории;

в) обязанность персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала действовать в соответствии с положениями мандата операции Организации Объединенных Наций;

г) право государств, которые добровольно предоставляют персонал для операции Организации Объединенных Наций, отозвать свой персонал, прекратив его участие в такой операции; или

д) право на соответствующую компенсацию, выплачиваемую в случае смерти, инвалидности, увечья или болезни, являющихся следствием участия в деятельности по поддержанию мира лиц, добровольно предоставленных государствами для операций Организации Объединенных Наций».

31 См.: Бувье, А. Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала: изложение и анализ // МЖКК. 1995. № 7. С. 778–811; M.-Christiane Bourloyannis-Vrila, "The Convention on the Safety of United Nations and Associated Personnel", in *International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 44, 1995, pp. 583–584.

нанесение ударов против сил ООН (и связанного с нею персонала), которые стали стороной в вооруженном немеждународном конфликте, является преступлением в соответствии с Конвенцией о безопасности 1994 г. и внутренним законодательством государства, оно не считается преступлением в соответствии с Римским статутом (ст. 8(2)(е)(iii) или МГП, поскольку как только такие силы начинают принимать участие во внутреннем вооруженном конфликте, они перестают пользоваться защитой, предоставляемой МГП гражданским лицам³². Неоднозначность Конвенции о безопасности 1994 г. не должна каким бы то ни было образом влиять на применимость и применение МГП в отношении многонациональных сил, когда последние являются участниками вооруженного конфликта, будь то конфликт международного или немеждународного характера.

Условия, определяющие применимость МГП к многонациональным силам

Вопрос фактической обстановки

Вопрос участия или неучастия многонациональных сил в вооруженном конфликте должен решаться исключительно на основе обстановки, реально существующей на данный момент. Помимо того, что такой точки зрения придерживается широкий круг исследователей³³, она также получила отражение

32 См.: Knut Dörmann, *Elements of War Crimes under the Rome Statute of the International Criminal Court*, Cambridge University Press, 2003, pp. 452–457. В 2000 г. Генеральный секретарь ООН подчеркивал, что применение Конвенции или МГП должно определяться не природой или характером конфликта, а тем, что «в любом конфликте персонал операции ООН в пользу мира принимают активное участие в такой операции в качестве комбатантов или имеет иные основания на защиту, предоставляемую гражданскому населению международным правом вооруженных конфликтов» (Report of the Secretary-General on the Scope of Legal Protection under the Convention on the Safety of United Nations and Associated Personnel, UN Doc. A/55/637 (2000), footnote 3, p. 9). Также см.: Бюллетень Генерального секретаря ООН «Соблюдение силами Организации Объединенных Наций норм международного гуманитарного права» UN Doc. ST/SGB/1999/13, 6 августа 1999 г. (далее — Бюллетень Генерального секретаря), где подтверждается позиция, занятая государствами в Римском статуте. Как указывается в Бюллетене (Раздел 1.2): «Промульгация настоящей бюллетеня не затрагивает статус сотрудников операций по поддержанию мира, пользующихся защитой согласно Конвенции 1994 г. о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала, или их статус некомбатантов, пока они имеют право на защиту, которым пользуются гражданские лица в соответствии с международным правом вооруженных конфликтов» (курсив автора).

33 Например, см.: Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов. Москва, МККК, 2011. С. 175; Robert Kolb and Richard Hyde, *An Introduction to the International Law of Armed Conflicts*, Hart Publishing, Oxford, 2008, pp. 75–76; Dieter Fleck (ed.) and Michael Bothe, *The Handbook of International Humanitarian Law*, Oxford University Press, 2008, pp. 47–48; Geoffrey S. Corn et al., *The Law of Armed Conflict: An Operational Approach*, Wolters Kluwer Law & Business, New York, 2012, pp. 72 and 80; Gabriele Porretto and Sylvain Vité, 'The Application of International Humanitarian Law and Human Rights to International Organisations', in *Research Papers Series No. 1*, Centre Universitaire de Droit International Humanitaire, 2006, p. 32; D. Shraga, 'The Applicability of International Humanitarian Law to Peace Operations', примечание 2 выше, p. 94; International Law Association, report on use of force, The Hague Conference, 2010, p. 33: «Юридический статус или ситуация вооруженного конфликта зависят от наличия фактических обстоятельств и наблюдаемых фактов, иными словами, от объективных критериев».

в последних решениях международных судебных органов и в ряде военных наставлений.

Многочисленные решения международных трибуналов подтверждают применимость МПП на основе реально существующих фактов. Например, Международный уголовный трибунал ООН по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международный уголовный трибунал ООН по Руанде (МУТР) вынесли многочисленные решения, где подчеркивается, что применимость МПП должна определяться на основе реально существующей обстановки³⁴, а не на основе субъективного мнения сторон в вооруженном конфликте. Так, Судебная камера МТБЮ в деле Бошковски (Boškovski) определила, что «вопрос о том, существовал ли в соответствующий период вооруженный конфликт, является вопросом, в отношении которого Судебная камера должна вынести решение, основанное на фактах, после того как она выслушает и рассмотрит представленные вниманию суда фактические материалы»³⁵. Аналогичным образом МТБЮ в деле Милутиновича подчеркнул, что «существование вооруженного конфликта не зависит от тех взглядов, которых придерживаются стороны в конфликте»³⁶.

Некоторые военные наставления также предполагают, что существование вооруженного конфликта зависит от обстоятельств конкретного

34 Например, см.: ICTR, *The Prosecutor v. Rutaganda*, Case No. ICTR-96-3-T, Judgment (Trial Chamber I), 6 December 1999, para. 92: «Определение вооруженного конфликта per se является абстракцией, в то время как определение ситуации как «вооруженного конфликта» с учетом критериев, содержащихся в общей ст. 3, должно даваться применительно к каждому конкретному случаю»; ICTY, *The Prosecutor v. Limaj et al.*, Case No. IT-03-66-T, Judgment (Trial Chamber II), 30 November 2005, para. 90: «Определение интенсивности конфликта и уровня организации сторон — это вопрос реально существующих фактов, который должен решаться в свете конкретных свидетельских показаний, отдельно в каждом конкретном случае»; Inter-American Commission on Human Rights. Report No. 55/97, Case No. 11.137, *Juan Carlos Abella v. Argentina*, 18 November 1997, para. 153: «Граница между ситуацией внутренних беспорядков, которая характеризуется чрезвычайно высоким уровнем насилия, и «минимальным» уровнем вооруженного конфликта в соответствии со ст. 3 бывает порой весьма размытой, и поэтому ее нелегко определить. Когда мы сталкиваемся с необходимостью вынести подобное решение, в конечном итоге, необходимо добросовестно и объективно анализировать факты применительно к каждому конкретному случаю». Что касается Международного уголовного суда, в деле Лубанга (Lubanga) и в деле Бемба (Bemba) как Судебная палата, так и Палата предварительного производства рассмотрели критерии, установленные МТБЮ в деле Тадича для определения наличия вооруженного конфликта, и затем применили их к фактическим обстоятельствам дела. Тем самым МУС неявным образом признал, что существование вооруженного конфликта должно определяться на основе ситуации, фактически существовавшей на тот момент времени. См.: ICC, *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Trial Judgment (Trial Chamber), 14 March 2012, paras 533 ff.; ICC, *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo*, Decision Pursuant to Art. 61(7)(a) and (b) of the Rome Statute on the Charges of the Prosecutor (Pre-Trial Chamber), 15 June 2009, paras 220 ff.

35 См.: ICTY, *The Prosecutor v. Boškovski*, Case No. IT-04-82-T, Judgment (Trial Chamber II), 10 July 2008, para. 174. В п. 176 Судебная палата также постановила: «Судебные палаты оценили существование вооруженного конфликта, указав на объективные характерные факторы интенсивности боев и организации участвовавшей в них вооруженной группы (групп) в зависимости от конкретных фактов каждого дела».

36 См.: ICTY, *The Prosecutor v. Milutinović*, Case No. IT-05-87-T, Judgment (Trial Chamber), 26 February 2009, para. 125. Также см.: ICTR, *The Prosecutor v. Akayesu* (ICTR-96-4-T), Judgment (Trial Chamber I), 2 September 1998, para. 603: «Если бы применение международного гуманитарного права зависело исключительно от собственного суждения сторон в конфликте, в большинстве случаев участвующие в нем стороны стремились бы свести конфликт к минимуму».

дела. В этом отношении австралийское Наставление по праву вооруженных конфликтов 2006 г. подчеркивает, что «соответствие какой-либо конкретной фактической ситуации требованиям, предъявляемым к достижению порога вооруженного конфликта, зависит от всех обстоятельств данного конкретного случая»³⁷.

Поэтому правовая классификация ситуации, где участвуют многонациональные силы, зависит от реально существующей обстановки и от того, выполняются ли критерии, вытекающие из соответствующих положений МГП, прежде всего из статьи 2, общей для всех Женевских конвенций, в случае международного вооруженного конфликта и общей статьи 3 в случае вооруженного немеждународного конфликта.

Условия применимости норм МГП к многонациональным силам

Сегодня, когда многонациональные силы столь часто развертываются в зонах конфликта во время проведения операций в пользу мира, вероятность их вовлечения в военные действия возросла. В этой связи важно определить условия, при которых такие ситуации составляют вооруженный конфликт в смысле МГП, особенно потому, что зафиксировать конкретный момент, когда многонациональные силы становятся стороной в вооруженном конфликте, все-таки трудно³⁸.

Важность такого определения возрастает еще и потому, что наблюдаются попытки повысить порог применимости норм МГП³⁹.

Определить момент, когда многонациональные силы становятся стороной в вооруженном конфликте: классические условия

Ограниченные рамки данной статьи не позволяют подробно рассмотреть классические условия, которые приводят в действие механизм применения норм МГП. Указанные условия являлись предметом анализа в более

37 См.: *Executive Series, Australian Defence Doctrine Publication 06.4*, 11 May, 2006, chapter 3.5. Аналогичным образом Наставление для всех видов вооруженных сил Великобритании (*Joint Service Manual* — см. примечание 7 выше) в разделе 3.3.1 предусматривает: решение о том, «достигает ли какое-либо конкретное действие порога вооруженного конфликта, будет зависеть от всех сопутствующих обстоятельств».

38 См.: British Ministry of Defence, *The Joint Service Manual...*, примечание 7 выше, Section 14.7, p. 379.

39 В 2004 г. в докладе МККК, подводящем итоги дискуссии, проводившейся в рамках встречи экспертов в области МГП и многонациональных операций в пользу мира, подчеркивалось, что участники «не смогли достичь согласия в споре по поводу порога, за которым начинается применение норм МГП [к многонациональным силам]»; См.: Alexandre Faite and Jérémie Labbé Grenier, *Report to the Expert meeting on Multinational Peace Operations, Applicability of International Humanitarian Law and International Human Rights Law to UN Mandated Forces*, ICRC, Geneva, 2004, p. 10. Кристофер Гринвуд подчеркивал, что применение силы миротворцами иногда рассматривается при помощи иной шкалы, которая допускает более высокий уровень силы, чем тот, который применяется в отношении других вооруженных сил для применения норм МГП. См.: Christopher Greenwood, "International Humanitarian Law and United Nations Military Operations", in *Yearbook of International Humanitarian Law*, Vol. 1, 1998, p. 24.

ранней публикации МККК⁴⁰; они также рассматриваются в весьма серьезных работах академического характера⁴¹. Тем не менее важно кратко напомнить важные для данного вопроса моменты, поскольку нечеткость определения вооруженного конфликта в МГП влияет и на операции в пользу мира.

Прежде всего, развертывание в зоне вооруженного конфликта не обязательно означает, что многонациональные силы становятся стороной в конфликте, происходящем в указанной местности⁴². Многонациональные силы не превратятся в сторону вооруженного конфликта, как международного, так и немеждународного, и не будут обязаны следовать применимым нормам МГП в ходе своих действий, если не будут выполняться следующие условия для применения норм МГП⁴³.

В соответствии со статьей 2, общей для всех Женевских конвенций 1949 г., международный вооруженный конфликт имеет место тогда, когда два или более государств в своих взаимоотношениях прибегают к вооруженной силе. Вытекающее отсюда толкование права можно было бы использовать для утверждения того, что международный вооруженный конфликт имеет место во всех тех случаях, когда два или более субъектов международного права в своих взаимоотношениях прибегают к вооруженной силе. Подобное толкование дало бы возможность рассматривать в рамках МГП военные действия, предпринимаемые международными организациями, при условии что такие действия достигают порога применения указанного корпуса права⁴⁴.

40 См.: ICRC Opinion Paper, 'How is the Term "Armed Conflict" Defined in *International Humanitarian Law*?' March 2008, доступно по адресу: www.icrc.org/eng/assets/files/other/opinion-paper-armed-conflict.pdf; 'International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts', *Report of the 31st International Conference of the Red Cross and Red Crescent, Geneva, Switzerland, 28 November – 1 December 2011*, pp. 7–13, доступно по адресу: www.icrc.org/eng/assets/files/red-cross-crescent-movement/31st-international-conference/31-int-conference-ihl-challenges-report-11-5-1-2-en.pdf.

41 См., например: Dieter Fleck, *The Handbook of Humanitarian Law in Armed Conflicts*, Oxford University Press, Oxford, 2004, pp. 39–49; Сассоли, М., Бувье, А. Правовая защита во время войны. Москва, МККК, 2008.; Gary Solis, *The Law of Armed Conflict: International Humanitarian Law in War*, Cambridge University Press, Cambridge, 2010, pp. 149–156; Elizabeth Wilmschurst (ed.), *International Law and the Classification of Conflicts*, Oxford University Press, Oxford, 2012; Daniel Bethlehem, Sandesh Sivakumaran, Noam Lubell and Philip Leach, *Conflict Classification: the Way Forward*, International Law Meeting Summary, Chatham House, London, 2012, доступно по адресу: www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/International%20Law/011012summary.pdf; Bume, С. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации // МЖКК. 1999, № 873. С.91–126.

42 См.: British Ministry of Defence, *The Joint Service Manual...*, примечание 7 выше, section 14.6, p. 379.

43 См.: Tristan Ferraro, 'The Issue of International Humanitarian Law Applicability to Recent UN, NATO and African Union Peace Operations (Libya, Somalia, Democratic Republic of Congo, Ivory Coast...)', in Stanislas Horvat and Marco Benatar (eds), *Legal Interoperability and Ensuring Observance of the Law Applicable in Multinational Deployments*, Proceedings of the 19th International Congress (Québec City, 1–5 May 2012), International Society for Military Law and the Law of War, Brussels, 2013, pp. 315–323.

44 Можно было бы сказать, что произошла кристаллизация нормы обычного права, что дало возможность распространить действие *rationae personae* международного вооруженного конфликта на международные организации: см.: Dapo Akande, 'Classification of Armed Conflicts: Relevant Legal Concepts', in E. Wilmschurst (ed.), примечание 41 выше, pp. 32–79.

Порог для определения существования международного вооруженного конфликта очень низкий, и такие факторы, как длительность и интенсивность, не принимаются во внимание; простой захват военнослужащего или незначительные боевые столкновения между вооруженными силами двух или более государств или с силами международной организации могут дать начало международному вооруженному конфликту и привести к применимости норм МГП, в том случае если подобные действия свидетельствуют о действительно агрессивных намерениях.

Можно считать, что агрессивные намерения присутствуют тогда, когда имеются объективные данные о том, что международные организации и (или) государства, предоставляющие военные контингенты, по сути дела вовлекаются в военные действия или какие-либо иные враждебные действия, которые направлены на нейтрализацию личного состава и ресурсов вооруженных сил противника, противодействие его военным операциям, его подавление или принуждение к изменению направления его действий. Таким образом, агрессивные намерения должны быть выявлены на основе конкретных фактов. Наличие подобного агрессивного намерения очень важно, так как оно помогает исключить возможность включения в сферу применения МГП ситуаций, которые возникают в результате ошибки или действий отдельных лиц, не получивших одобрения со стороны участвующих в операции в пользу мира государств или международной организации, предоставивших воинский контингент⁴⁵.

Даже при том, что действия НАТО в Ливии в 2011 г. являются основным примером того, как международные организации и (или) предоставляющие военный контингент государства участвуют в международном вооруженном конфликте, реалии современных операций в пользу мира таковы, что в большинстве случаев обычно возникает вопрос, стали ли международные организации и предоставляющие военный контингент государства, которые принимают участие в подобных операциях, стороной в вооруженном немеждународном конфликте.

В соответствии с МГП классификация вооруженного немеждународного конфликта представляет собой более сложную задачу.

Хотя четкое определение вооруженного немеждународного конфликта в Женевских конвенциях отсутствует, широко распространено мнение, что для того чтобы сказать, что в целях МГП такой конфликт имеет место, должны быть удовлетворены два условия:

45 Необходимо пояснить, что понятие «агрессивное намерение», столь важное для определения того, имеет ли место международный вооруженный конфликт, не следует смешивать с понятием *animus belligerendi*, которое внутренне присуще юридическому понятию войны. В то время как *animus belligerendi* считается необходимым условием существования состояния войны как признака субъективного измерения объявленной войны, ссылка на понятие «агрессивное намерение» обладает лишь доказательной ценностью и ни в коем случае не может толковаться как ставящее под сомнение объективное измерение, внутренне присущее понятию международного вооруженного конфликта.

- В военных действиях должны участвовать две или более сторон, которые демонстрируют определенный уровень организации;
- Вооруженная оппозиция должна достигнуть определенного порога интенсивности.

В связи с этим для оценки того, выполняются ли указанные критерии, были обозначены различные обладающие доказательной силой факторы, которые могут иметь значение.

Для оценки «интенсивности», среди прочего, можно принимать во внимание следующие элементы: количество, продолжительность и интенсивность отдельных столкновений; виды используемого вооружения и другой военной техники; количество и калибр использованных боеприпасов; число людей и виды сил, принимающих участие в боях; количество потерь; степень материальных разрушений; количество гражданских лиц, покидающих зону боевых действий, а также масштабность боевых действий⁴⁶.

Для оценки уровня организации негосударственных вооруженных групп в качестве критерия были выявлены четыре группы факторов: наличие командной структуры; способность вооруженной группы вести скоординированные военные действия; доказанность определенного уровня материально-технического снабжения и наконец способность группы соблюдать и обеспечивать соблюдение МПП⁴⁷.

Для того чтобы убедиться в том, что имеет место вооруженный конфликт немеждународного характера, следует рассмотреть организацию каждой из сторон, особенно организацию неправительственных вооруженных групп, и интенсивность вооруженного насилия. Учитывая структуру многонациональных сил, они по определению отвечают первому требованию. Тем не менее было бы важно убедиться, достигает ли необходимого уровня организация противостоящих им вооруженных групп⁴⁸.

46 См.: ICTY, *The Prosecutor v. Boškovski*, Case No IT-04-82-T, Judgment (Trial Chamber), 10 July 2008, paras. 177–193.

47 См., в частности: ICTY, *The Prosecutor v. Tadić*, Case No. IT-94-1-T, Judgment (Trial Chamber), 7 May 1997, paras. 561–568; ICTY, *The Prosecutor v. Limaj et al.*, Case No. IT-03-66-T, Judgment (Trial Chamber), 30 November 2005, paras. 94–170; *The Prosecutor v. Haradinaj et al.*, Case No. IT-04-84-T, Judgment (Trial Chamber), 3 April 2008, paras. 50–60; ICTY, *The Prosecutor v. Boškovski*, Case No IT-04-82-T, Judgment (Trial Chamber), 10 July 2008, paras. 194–206.

48 Еще более ограничительное определение вооруженного немеждународного конфликта содержится в Дополнительном протоколе II к Женевским конвенциям. Ст. 1(1) данного документа говорит о том, что он применим к вооруженным конфликтам, «происходящим на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол». Данное определение вооруженного немеждународного конфликта более узкое, чем определение, которое следует из общей ст. 3 Женевских конвенций. Действительно, здесь вводится требование к контролю над территорией и предусматривается, что негосударственная структура, которая противопоставит правительственным вооруженным силам, должна осуществлять такой контроль над территорией, «который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол». Помимо этого, в отличие от общей ст. 3, Протокол исключает из

Частота развертывания многонациональных сил в ситуации вооруженного немеждународного конфликта также поставила вопрос о применении силы в целях самообороны и его воздействия на применимость МГП к операциям в пользу мира. Во время недавних операций в пользу мира негосударственные вооруженные группы иногда совершали нападения на многонациональные силы даже тогда, когда таковые изначально не являлись стороной в вооруженном немеждународном конфликте, уже существовавшем на территории их развертывания. Какие правовые рамки, регулирующие применение силы, будут действовать применительно к подобным ситуациям? Применимо ли МГП к спорадическому применению силы многонациональными силами в целях самообороны? А что происходит, если применение силы в целях самообороны становится все более и более частым?

Вопрос о правовых положениях, регулирующих применение силы в целях самообороны многонациональными силами, поднимался, в частности, по поводу вхождения в силу Бюллетеня Генерального секретаря ООН 1999 г., озаглавленного «Соблюдение силами Организации Объединенных Наций норм международного гуманитарного права» (далее — Бюллетень Генерального секретаря или Бюллетень)⁴⁹. В разделе 1.1 этого документа указывается, что МГП применимо «к операциям по поддержанию мира, когда применение силы разрешено в порядке самообороны». Строгое толкование формулировок Бюллетеня может привести к тому, что МГП будет применяться сразу как только миротворческие контингенты ООН применят силу в целях самообороны, независимо от выполнения вышеупомянутых критериев применимости права. Тем не менее использование силы в целях самообороны во время операций в пользу мира не всегда дает основания для применимости МГП. Использование силы в целях самообороны во время операций в пользу мира не будет регулироваться нормами МГП в тех случаях, когда многонациональные силы не соблюдают условия, делающие возможным применение данного корпуса права. В этой связи вывод из раздела 1.1 Бюллетеня Генерального секретаря о том, что МГП применимо во всех случаях, когда сила используется в целях самообороны, обманчив,

сферы своего действия вооруженное противостояние между негосударственными вооруженными группами. Как представляется, поскольку определение вооруженного немеждународного конфликта, предлагаемое в этом Протоколе, носит более узкий характер, оно важно лишь для применения данного Протокола, но не для права немеждународных вооруженных конфликтов в целом. Действительно, как недвусмысленно указывает ст. 1(1) данного документа, он «развивает и дополняет» общую ст. 3, «не изменяя существующих условий ее применения».

49 МККК принимал участие в подготовке проекта документа, однако он не имел голоса в отношении окончательной версии Бюллетеня, который, строго говоря, является документом ООН. Участие МККК в подготовительной стадии создания документа не означает, что он одобрен МККК. На настоящий момент некоторые элементы Бюллетеня, в частности сфера его применения, требуют уточнения и не обязательно отражают положения МГП, особенно те из них, где предусмотрены условия, определяющие применимость МГП к реально возникающим ситуациям. См.: Риникер, А. Соблюдение международного гуманитарного права силами ООН// МЖКК. Сборник статей. Март 1999, № 833. С. 275–286; Marten Zwanenburg, 'The Secretary General's Bulletin on Observance by UN Forces of IHL : a Pyrrhic Victory?' in *Review Militaire et de Droit de la Guerre*, 2000, p. 17.

так как на его основе можно заключить, что МГП начинает применяться, как только сила используется в целях самообороны⁵⁰. Подобное толкование не получило отражения в практике государств, предоставляющих воинские контингенты⁵¹. Самооборона — это понятие из сферы правоохранительной деятельности, а также, с несколько иным значением, — из сферы *jus ad bellum* и само по себе не влияет на условия применимости МГП.

Тем не менее вполне возможно, что в некоторых конкретных ситуациях использование силы в целях самообороны во время операций в пользу мира может дать основания для применения МГП, что говорит о том, что многонациональные силы участвуют в вооруженном конфликте немеждународного характера.

В таком случае необходимо проводить различие между двумя ситуациями.

Во-первых, совершенно очевидно, что использование силы многонациональными силами в целях самообороны не будет иметь влияния на применимость МГП, если такие силы уже являются стороной в вооруженном конфликте немеждународного характера, поскольку МГП уже применяется и регулирует всякое использование силы, направленное против военных объектов, участников негосударственных организованных вооруженных групп, систематически выполняющих военные функции, или гражданских лиц, принимающих непосредственное участие в военных действиях. Соответственно, в таких ситуациях любое использование вооруженной силы многонациональными силами *в связи с военными действиями, имеющими место во время вооруженного конфликта*, будет подпадать под требования МГП, вне зависимости от того, действуют такие силы в целях самообороны или нет.

Во-вторых, неоднократное использование силы в целях самообороны многонациональными силами (которые сначала не являлись стороной в вооруженном конфликте) может в какой-то момент достичь того порога, после которого, в соответствии с МГП, они будут считаться стороной в вооруженном немеждународном конфликте. Действительно, в тех случаях, когда многонациональные силы регулярно подвергаются нападениям со стороны негосударственных организованных вооруженных формирований, их ответные действия, совершаемые в целях самообороны, могут со временем превысить порог интенсивности, предусмотренный МГП, давая тем самым возможность утверждать, что многонациональные силы являются стороной в вооруженном немеждународном конфликте⁵².

50 Напротив, фраза, в разделе 1.1 Бюллетеня, где содержится упоминание о самообороне, должна быть истолкована таким образом, что использование силы миротворцами ООН в целях самообороны может привести к применению МГП *только* тогда, когда подобное использование силы отвечает условиям применимости МГП.

51 См.: 'Answers to the Questionnaire, Part II: Applicability of IHL in Peacekeeping Operations', in *Report Presented to the 18th Congress on Practice and Customary Law in Military Operations including Peace Support Operations*, International Society for Military Law and the Law of War, La Marsa, 5–9 May 2009, p. 26, доступно по адресу: www.ismllw.org/congress/General%20Report%20Congress.pdf.

52 О. Engdahl, 'The Status of Peace Operation Personnel...', примечание 25 выше, p. 117: «Даже если

В основании такой позиции лежит толкование понятия «затяжное вооруженное насилие», на которое ссылается МТБЮ в своем решении по делу Тадича⁵³. Действительно, это понятие было сформулировано в отношении актов насилия, повторяющихся в течение определенного времени, однако не являющихся систематическими⁵⁴. Как представляется в этой связи, повторяющиеся, но не обязательно систематические военные действия, ведущиеся в целях самообороны, могут потенциально привести к вовлечению многонациональных сил в вооруженный немеждународный конфликт (если соблюдаются классические критерии для данного типа конфликтов) даже тогда, когда они совершаются лишь в ответ на нападения⁵⁵.

военная сила применяется в целях самообороны, такая сила должна также оцениваться с точки зрения объективного критерия уровня используемой силы (интенсивности конфликта) и уровня организации противостоящих сторон. Довод о том, что сила применяется в интересах самообороны, не может постоянно использоваться для того, чтобы избежать применения МГП.

53 См.: ICTY, *The Prosecutor v. Tadić*, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction (Appeals Chamber), 2 October 1995, para. 69.

54 См.: Anthony Cullen, *The Concept of Non-International Armed Conflict in International Humanitarian Law*, Cambridge University Press, Cambridge, 2010, pp. 205 ff.; Andreas Zimmermann, 'War Crimes Committed in an Armed Conflict not of an International Character', in Otto Triffterer (ed.), *Commentary on the Statute of the International Criminal Court*, Verlagsgesellschaft, Baden-Baden, 1999, p. 285; Sonja Boelaert-Suominen, 'Commentary: the Yugoslav Tribunal and the Common Core of Humanitarian Law Applicable to All Conflicts', in *Leiden Journal of International Law*, 2000, p. 634; Bahia Thahzib-lie and Olivia Swaak-Goldman, 'Determining the Threshold for the Application of International Humanitarian Law', in Liesbeth Lijnzaad, Johanna Van Sambeek and Bahia Thahzib-lie (eds), *Making the Voice of Humanity Heard*, Martinus Nijhoff Publishers, Leiden/Boston, 2004, p. 248.

55 Так, по утверждению Роберта Колба, использование силы миротворцами, осуществляемое в интересах самообороны в ответ на спорадические нападения, не превращает многонациональные силы в одну из сторон уже существующего вооруженного конфликта. Тем не менее, продолжает он, «если такие нападения становятся частью общей картины и миротворческие силы начинают сами вести военные действия в ответ на вооруженные действия противной стороны, мы оказываемся в ситуации вооруженного конфликта» (Robert Kolb, 'Background Document 1: Applicability of International Humanitarian Law to Forces under the Command of an International Organisation', in A. Faite and J. Labbé Grenier, примечание 39 выше, p. 68). Однако подобную позицию не разделяет Судебная камера Специального суда по Сьерра-Леоне, которая указывает, что «как и в отношении всех гражданских лиц, защита [в отношении миротворцев] не перестает действовать в тех случаях, когда персонал использует вооруженную силу лишь в осуществление своего права на самооборону. Аналогичным образом Камера считает, что использование силы миротворцами в интересах самообороны при исполнении своего мандата и при условии, что она используется исключительно в указанных целях, никак не изменяет и не уменьшает защиту, предоставляемую миротворцам» (Special Court for Sierra Leone, *The Prosecutor v. Sesay, Kallon and Gbao (RUF case)*, Judgment (Trial Chamber), 2 March 2009, SCSL-04-15-T, para. 233). Точно такую же позицию 8 февраля 2010 г. заняла Палата предварительного производства МУС (см.: *The Prosecutor v. Bahar Idriss Abu Garda*, Case No. ICC-02/05-02/09, Decision on the Confirmation of Charges, ICC-02/05-02/09, para. 83). Тем не менее с Судом можно поспорить, когда он утверждает, что многонациональные силы, действующие в интересах самообороны, никогда не могут считаться вовлеченными в вооруженный конфликт. На практике подобная позиция означает, что многонациональные силы могут считаться стороной в конфликте только тогда, когда военные действия начинаются по их инициативе. Если сделать еще один шаг в направлении, обозначенном позицией Специального суда по Сьерра-Леоне, никакие вооруженные действия негосударственных организованных вооруженных групп, направленные против многонациональных сил, никогда не могут достичь порога вооруженного конфликта в смысле МГП, если в целях классификации ситуации не могут быть использованы ответные действия многонациональных сил. Более того, возникает опасность, что любые нападения, совершаемые против таких сил, когда эти нападения связаны с вооруженным конфликтом, будут квалифицироваться как военное преступление, что вступает в противоречие с принципом МГП о равенстве вою-

Изменяются ли условия определения существования вооруженного конфликта, когда в нем участвуют многонациональные силы?

Некоторые ученые полагают, что в случае участия многонациональных сил, для того чтобы ситуация представляла собой вооруженный конфликт с точки зрения МГП, необходим более высокий уровень интенсивности. В этой связи Кристофер Гринвуд подчеркивает, что «по сравнению с обычной ситуацией конфликта, происходящего между государствами, применительно к силам ООН и связанному с ней персоналу, которые участвуют в миссии, изначально носившей миротворческий или гуманитарный характер, наблюдается тенденция некоторого повышения порога для определения того, стали ли силы ООН стороной в вооруженном конфликте»⁵⁶. Подобные доводы выдвигались, прежде всего, в отношении сил ООН, и указанная тенденция еще более усилилась благодаря принятию Конвенции о безопасности 1994 г.⁵⁷

В свете статьи 2(2) этого документа, где разъясняется его взаимосвязь с МГП⁵⁸, и учитывая вероятность того, что применение Конвенции о безопасности 1994 г. может прекратиться к тому времени, когда силы ООН станут воюющей стороной, может возникнуть соблазн повысить порог вооруженного конфликта, который требует применения МГП, еще до того как будет признано, что многонациональные силы оказались в него вовлечены⁵⁹.

Тенденция применять более высокий порог к вооруженному конфликту, когда в нем участвуют силы ООН, получила отражение в решении Бельгийского военного суда в 1997 г. Этот судебный орган высказал мнение, что силы ООН могут квалифицироваться в качестве стороны в вооруженном конфликте только тогда, когда их участие в военных действиях против

ющих сторон. Поэтому позиция, занятая Судебной камерой, вступает в противоречие с МГП, так как она игнорирует возможность того, что в соответствии с МГП использование силы в рамках самообороны многонациональными силами может привести в действие применение МГП и превратить такие силы в сторону в вооруженном международном конфликте. Стоит отметить, что Наставление по праву вооруженных конфликтов Великобритании признает подобную возможность и подчеркивает, что «силы, задействованные в операции по поддержанию мира, могут становиться стороной в вооруженном конфликте и, таким образом, субъектом права вооруженных конфликтов ... в тех случаях, когда их персонал, хотя изначально он и не получал такой задачи, оказывается вовлечен в военные действия в качестве комбатантов (как в результате своей собственной инициативы, так и если на них совершается нападение со стороны других сил) в такой степени, что между силами по поддержанию мира и противостоящей им стороной возникает вооруженный конфликт. Подобная ситуация может возникнуть в любом типе операций по поддержанию мира» (British Ministry of Defence, *The Joint Service Manual...*, примечание 7 выше, section 14.5, pp. 378–379).

56 Christopher Greenwood, *op. cit.*, примечание 39 выше, pp. 24, 34.

57 См. выше.

58 Как уже указывалось, ст. 2(2) Конвенции о безопасности 1994 г. говорит о том, что Конвенция не применяется, когда силы ООН принимают участие в международном вооруженном конфликте.

59 См.: *Final Report on the Meaning of Armed Conflict in International Law*, International Law Association, Committee on the Use of Force, The Hague, 2010, p. 17: «Если для применения Конвенции [о безопасности 1994 г.] принять низкий порог военных действий, это приведет к тому, что защита, обеспечиваемая Конвенцией, практически перестанет существовать».

организованных вооруженных групп носит *долговременный, широкомасштабный и структурированный характер*⁶⁰.

К тому же, как представляется, Бюллетень Генерального секретаря не вносит ясности в условия применимости МГП к силам ООН. В разделе 1.1, где раскрывается сфера применения Бюллетеня, можно также усмотреть повышение порога применимости МГП. Там говорится, что основополагающие принципы и нормы МГП применимы к силам ООН тогда, «когда, находясь в ситуациях вооруженного конфликта, они активно участвуют в них в качестве комбатантов, по мере и на все время их участия. Соответственно, они применимы к мерам принуждения или к операциям по поддержанию мира, когда применение силы разрешено в порядке самообороны».

Хотя Бюллетень является важным и полезным документом (прежде всего, потому, что он подтверждает тот факт, что силы ООН связаны положениями МГП, даже если ООН не может ратифицировать договоры по МГП, поскольку не является государством), его сфера применения не вполне ясна. Было бы полезно, если бы в нем были определены критерии, позволяющие решить, когда именно силы ООН «активно участвуют в [вооруженном конфликте] в качестве комбатантов». Формулировка этой фразы оставляет без ответа целый ряд вопросов. В частности, каким образом эта фраза согласуется с классическими условиями по МГП, вытекающими из общих статей 2 и 3 Женевских конвенций? Каким образом следует толковать наречие «активно» в отношении понятия интенсивности для определения существования вооруженного конфликта в соответствии с МГП?

Положения Бюллетеня не дают ответа на эти вопросы. Однако посвященная Бюллетеню юридическая литература вносит некоторую ясность. Дафна Шрага, бывший старший юридический советник Управления по правовым вопросам ООН, которая принимала участие в подготовке Бюллетеня, толкует раздел 1.1 как предлагающий, по ее определению, тест «двойного ключа». По ее мнению, «в этой связи, для того чтобы международное гуманитарное право могло применяться к силам ООН на театре военных действий, должны соблюдаться два совокупных условия — так называемый тест «двойного ключа»: (i) существование вооруженного конфликта на соответствующей территории во время их развертывания и (ii) участие персонала сил ООН в конфликте в качестве комбатантов — либо в

60 См.: Cour Militaire, *Ministère Public et Centre pour l'égalité des chances et la lutte contre le racisme v. C... and B...*, 17 December 1997, Journal des Tribunaux, 4 April 1998, pp. 288–289: «... следует отметить прежде всего, что отсутствовала ситуация конфликта и a fortiori ситуация вооруженного конфликта между Демократической Республикой Сомали и Организацией Объединенных Наций; что, как указывалось выше, силы ООН использовались не в качестве, предусмотренном в ст. 43 и следующих Устава ООН, а как миротворческие силы, наделенные функциями принуждения, для выполнения вполне конкретных задач; ... что Суду не известны другие сведения, позволявшие бы сделать вывод, что силы ООН осуществляли де факто на территории Сомали (в нарушение их законной миссии) военные операции — постоянные, крупномасштабные и структурированные — против одной или нескольких противостоящих друг другу вооруженных банд; только в этом случае миротворческие силы стали бы стороной в конфликте...»

рамках мер по принуждению в соответствии с Главой VII, либо в операции в соответствии с Главой VI в целях самообороны»⁶¹.

В то время как второе условие, которое отсутствует в Женевских конвенциях или Протоколах к ним, не предусматривает никаких дальнейших рекомендаций в отношении раздела 1.1 Бюллетеня⁶², в первом условии более ясно выражены те положения, которые, как кажется, подразумеваются в Бюллетене: чтобы к силам ООН стали применяться нормы МПП, они должны быть вовлечены в «конфликт в рамках конфликта». Это дополнительное требование нельзя истолковать иначе как повышение порога вооруженного конфликта для определения применимости МПП к силам ООН, поскольку оно добавляет еще одно условие, позволяющее решить, стали ли они стороной в вооруженном конфликте, а именно конфликт должен был уже иметь место еще до их развертывания⁶³. Это не позволит применять нормы МПП к потенциальной вооруженной конфронтации между силами ООН и государственными вооруженными силами или негосударственными вооруженными группами, даже при том, что соблюдаются классические критерии для вооруженного конфликта, если до указанной конфронтации ситуация, в которой развертывались силы ООН, не доходила до уровня вооруженного конфликта в целях МПП. Поэтому данная теория привносит условие, не согласующееся с соответствующими нормами МПП⁶⁴.

Ни одно из положений МПП не предусматривает какие-либо иные условия применимости норм права в случае участия в вооруженном конфликте сил ООН или других миротворческих контингентов. В соответствии с *lex lata* критерии, используемые для определения существования вооруженного конфликта, в который вовлечены многонациональные силы, не отличаются от тех, что применяются к более «классическим» формам вооруженного конфликта. Любая другая точка зрения не будет иметь под собой юридического основания в рамках МПП, так как «подход с точки зрения более высокого порога» не имеет основания в общепринятой практике и не подтверждается *opinio juris*. Критерий для определения того, участвуют ли многонациональные силы в воо-

61 Daphna Shraga, 'The Secretary General's Bulletin on the Observance by UN Forces of International Humanitarian Law: a Decade Later', in *Israel Yearbook on Human Rights*, Vol. 39, 2009, p. 359; D. Shraga, 'The Applicability of International Humanitarian Law to Peace Operations...', примечание 2 выше, pp. 94–95.

62 В своей статье Дафна Шрага иллюстрирует тест «двойного ключа» примерами военных операций, которые привели к применению норм МПП к силам ООН. Как кажется, эти примеры показывают, что для того чтобы отвечать второму условию теста «двойного ключа», должен быть достигнут значительный уровень интенсивности. Таким образом, они отражают тенденцию применять более высокий порог интенсивности для определения существования вооруженного конфликта, как международного, так и внутреннего, когда в него вовлекаются многонациональные силы, а также для определения того, следует ли их считать сторонами в конфликте в смысле МПП.

63 См.: M. Zwanenburg, примечание 49 выше, p. 21: «В Бюллетене высказывается мнение, что вооруженное насилие должно достичь определенного уровня интенсивности, прежде чем [к силам ООН] начинают применяться нормы МПП».

64 Следует заметить, что Катарина Гренфелл, юридический советник Управления по правовым вопросам ООН, обсуждая условия, позволяющие применять нормы МПП к силам ООН, не ссылается на вышеупомянутый тест «двойного ключа» (см.: Grenfell, K., примечание 7 выше).

руженном конфликте, — абсолютно тот же самый, что и критерий, применимый к любой другой ситуации вооруженного конфликта⁶⁵.

В этом отношении ряд юридических советников государств, участвовавших в конгрессе Международного общества военного права и права войны в 2009 г., согласились с классическими условиями МГП для определения начала конфликта, даже в том случае, если в нем участвуют силы ООН. Отчет Конгресса, в котором сведены воедино ответы ряда государств на вопросник, касающийся Бюллетеня Генерального секретаря ООН 1999 г., показывает, что «в своих ответах государства не обязательно соглашались с Бюллетенем Генерального секретаря ООН 1999 г., потому что они считают себя связанными нормами МГП лишь в том случае, *если имеет место ситуация вооруженного конфликта в смысле либо общей статьи 2, либо общей статьи 3 Женевских конвенций 1949 г.*» (курсив автора)⁶⁶. Заключительная часть приведенной цитаты показывает, что некоторые советники явно отвергли условия, обозначенные в разделе 1.1 Бюллетеня, и подтвердили, что классические условия для определения существования вооруженного конфликта (на основе соответствующих положений МГП) остаются правовым эталоном, в рамках которого анализируется участие многонациональных сил, включая силы ООН, в вооруженном конфликте.

Наконец выдвигалось мнение, что нормы МГП надо применять к многонациональным силам *mutatis mutandis*, принимая во внимание особый правовой статус международной организации, под эгидой которой они действуют⁶⁷. Как представляется, довод *mutatis mutandis* никак не может оправдывать избирательный подход к применению норм МГП в отношении многонациональных сил. Этот довод лишь означает, что, определяя, какие нормы МГП применяются или не применяются к таким силам, необходимо принимать во внимание ограниченные юридические, административные и оперативные возможности международных организаций⁶⁸. Действительно, некоторые нормы МГП требуют средств, которые находятся лишь в распоряжении государств — участников Женевских конвенций. Например, обязательство обеспечить эффективные уголовные санкции в отношении лиц, которые совершили военные преступления и другие серьезные нарушения, может исполняться только государствами. Данное обязательство не может исполняться международными организациями, так как они обычно не имеют своих собственных судебных систем. Другие обязательства по МГП

65 См. Garth J. Cartledge, 'Legal Restraints on Military Personnel Deployed on Peacekeeping Operations', in Helen Durham and Timothy L. H. McCormack (eds), *The Changing Face of Conflict and the Efficacy of International Humanitarian Law*, Martinus Nijhoff Publishers, The Hague, 1999, pp. 125–130. Также см.: O. Engdahl, 'The Status of Peace Operation Personnel...', примечание 25 выше, p. 118: «Как представляется, мы не найдем в праве поддержки идеи особого порога для применения норм МГП к силам, принимающим участие в операциях в пользу мира. Следует исходить из того, что, определяя, когда такие силы оказываются вовлечены в вооруженный конфликт, надо применять те же самые критерии, что и по отношению к другим вооруженным силам».

66 См.: 'Answers to the Questionnaire...', примечание 51 выше.

67 См.: D. Shrags and R. Zacklin, примечание 2 выше, p. 48.

68 Ibid.

также могут соблюдаться только государствами (например, статья 49(б) IV Женевской конвенции предусматривает, что оккупирующая держава не должна перемещать часть своего собственного гражданского населения на оккупированную ею территорию), и, даже если международная организация согласно МГП может являться оккупирующей стороной, у нее не имеется своего собственного населения. Довод *mutatis mutandis* полезен лишь для проведения различия между подавляющим большинством норм МГП, которые могут применяться международными организациями, и теми немногими нормами, которые они применять не могут в силу присущих им внутренних характеристик. Довод *mutatis mutandis* не может применяться в отношении норм МГП, устанавливающих условия, при наличии которых можно сказать, что имеет место вооруженный конфликт.

Значение подхода дополнительности в тех случаях, когда многонациональные силы вмешиваются в происходящий вооруженный немеждународный конфликт: учитывать оказываемую поддержку

Новые характеристики операций в пользу мира состоят в том, что многонациональные силы часто вмешиваются в уже существующий вооруженный немеждународный конфликт, обеспечивая поддержку вооруженным силам государства, на территории которого происходит такой конфликт. Подобная поддержка правительственных вооруженных сил, сражающихся против негосударственных организованных вооруженных групп, порой специально определяется в резолюции Совета Безопасности. Примером подобной ситуации является развертывание сил ООН в Демократической республике Конго⁶⁹ и сил НАТО в Афганистане⁷⁰.

В последнее время в операциях в пользу мира участие многонациональных сил в уже существующем внутреннем вооруженном конфликте часто принимало форму не военной операции, направленной против четко обозначенного противника, а форму материально-технической поддержки, ведения разведки в пользу государства территориальной юрисдикции или участия в планировании и координации военных операций, осуществляемых вооруженными силами такого государства.

Подобные обстоятельства поднимают ряд трудных вопросов. Каков правовой статус в рамках МГП многонациональных сил, которые не участвуют в военных действиях на передовой, но которые тем не менее порой играют в военных действиях важнейшую роль, наряду с вооруженными силами государства, где происходит операция в пользу мира? Подпадает ли деятельность многонациональных сил в этой ситуации под действие МГП? Дать ответ на эти вопросы весьма сложно, поскольку зачастую поддержка, оказываемая многонациональными силами вооруженным силам государства, где происходит

69 Резолюции Совета Безопасности ООН: 1906, 23 декабря 2009 г., пп. 21–23; 1925, 28 мая 2010 г., п. 12(h); 2098, 28 марта 2013 г., п. 12(b).

70 Резолюции Совета Безопасности ООН: 1386, 20 декабря 2001 г., п. 1; 1510, 13 октября 2003 г., п. 1.

операция в пользу мира, сама по себе не соответствует порогу интенсивности, предъявляемому к вооруженному немеждународному конфликту.

Указанная ситуация привела к рассмотрению вопроса о том, не следует ли дополнить классические критерии для определения наличия вооруженного немеждународного конфликта с участием многонациональных сил, подходом, который бы учитывал такую поддержку? Тогда можно было бы определить, применимо ли МГП к многонациональным силам, вмешивающимся в уже существующий вооруженный немеждународный конфликт.

Важно подчеркнуть, что такой подход дополняет, но не заменяет собой определение применимости МГП на основе обсуждавшихся выше классических критериев. Он лишь устанавливает связь между МГП и некоторыми видами действий, предпринимаемых многонациональными силами в поддержку стороны в уже существующем вооруженном немеждународном конфликте, и определяет правовые последствия такой связи с точки зрения применимости МГП. Подобный подход также дает возможность избежать нелогичной ситуации, при которой многонациональные силы, вносящие эффективный и значительный вклад в военные операции и участвующие в совместном ведении военных действий в уже существующем вооруженном немеждународном конфликте, не считались бы воюющей стороной и могли претендовать на защиту от прямых нападений. Поэтому подход, когда оказываемая поддержка учитывается, следует логике МГП и согласуется с требованием не размывать различие между комбатантами (в техническом значении этого термина) и гражданскими лицами, не принимающими непосредственного участия в военных действиях.

Соответственно, даже если участие многонациональных сил не отвечает *per se* критерию интенсивности, содержащемуся в общей статье 3 Женевских конвенций, характер их участия в уже существующем вооруженном немеждународном конфликте может превратить их в сторону в конфликте. *Учитывать* оказываемую поддержку надлежит для того, чтобы увязать с нормами МГП действия многонациональных сил, которые являются неотъемлемой частью уже существующего конфликта. Поддержка, оказываемая многонациональными силами, не должна рассматриваться как составная часть потенциально нового и независимого вооруженного немеждународного конфликта. Поэтому, благодаря связи с уже существующим вооруженным немеждународным конфликтом, оказываемую многонациональными силами поддержку следует отличать от требований, необходимых для установления того, что они являются стороной в реально существующем вооруженном немеждународном конфликте. Подключая свои военные действия к уже существующему вооруженному немеждународному конфликту, многонациональные силы фактически действуют в качестве совоюющего, помогающего одной из сторон в данном вооруженном конфликте. В подобных случаях они должны считаться стороной в уже имеющем место вооруженном немеждународном конфликте.

В такой ситуации нет необходимости оценивать, отвечают ли многонациональные силы *per se* классическим критериям наличия вооруженного немеждународного конфликта, поскольку такие критерии уже были установлены в отношении уже идущего конфликта. Функции поддержки, осуществляемые многонациональными силами в рамках уже существующего конфликта, определяют, подлежат ли их действия регулированию нормами МГП в данной конкретной ситуации.

Учитывая оказываемую поддержку, принято считать, что нормы МГП применяются к многонациональным силам, когда выполняются следующие критерии:

- На территории, где начинают действовать многонациональные силы, идет уже существующий вооруженный немеждународный конфликт;
- Акции, относящиеся к ведению военных действий, предпринимаются многонациональными силами в контексте уже существующего конфликта;
- Военные операции многонациональных сил осуществляются в поддержку стороны в уже существующем конфликте;
- Соответствующие действия предпринимаются в результате официального решения по оказанию поддержки стороне, участвующей в уже существующем конфликте, которое принято соответствующим государством, предоставившим воинский контингент, или соответствующей международной организацией.

Для того чтобы нормы МГП могли применяться в отношении действий многонациональных сил в контексте уже существующего вооруженного немеждународного конфликта, должны соблюдаться все четыре условия.

Первое условие не требует пояснений. Если оно не выполняется, то многонациональные силы могут стать стороной в вооруженном немеждународном конфликте только при условии выполнения классических критериев, предусмотренных общей статьей 3 Женевских конвенций. Поэтому принимать во внимание оказываемую поддержку не имеет смысла, если нет уже существующего вооруженного немеждународного конфликта. Упоминание о территории, содержащееся в первом условии, отражает тот факт, что в большинстве случаев вмешательство многонациональных сил происходит на территории, где конфликт возник. Тем не менее сфера применения МГП не ограничивается этой территорией. Нормы МГП будут продолжать регулировать действия многонациональных сил, имеющие отношение к вооруженному конфликту, однако ведущихся, например, в международном воздушном пространстве или в открытом море. Аналогичным образом нормы МГП будут также применяться к действиям многонациональных сил в том случае, если конфликт переходит на территорию соседних государств⁷¹.

71 Указанная позиция не лимитирует действия положений *jus ad bellum*, которые могут в значительной мере ограничивать географическое распространение конфликта. В подобных обстоя-

Второй критерий имеет очень большое значение. Для того чтобы нормы МГП стали применимы к многонациональным силам в контексте уже существующего вооруженного немеждународного конфликта, такие силы должны совершать действия, характер которых позволит квалифицировать их как сторону в конфликте.

Принимая во внимание оказываемую поддержку, надо учитывать, что решающим элементом является тот вклад, который такие действия вносят в коллективное ведение военных действий. Вклад общего характера в военные усилия был бы недостаточен, так как он составлял бы не более чем неопределенное не прямое участие в уже существующем вооруженном конфликте. Действия, способствующие ведению длительной войны, такие как финансовая поддержка или доставка оружия и боеприпасов стороне в конфликте, должны рассматриваться как не прямое участие в военных действиях, которое не оказывает влияния на статус многонациональных сил с точки зрения МГП⁷². Поэтому следует проводить различие между оказанием поддержки, которая будет иметь непосредственное воздействие на способность противной стороны вести военные действия, и более косвенными видами поддержки, которые позволяют получателю лишь наращивать свой военный потенциал.

В этом плане военные операции многонациональных сил, которые наносят непосредственный ущерб стороне, противостоящей вооруженным силам, которые они поддерживают, или же которые непосредственно предназначены для ослабления ее военного потенциала, безусловно, относятся к действиям, отвечающим второму критерию. Тем не менее сами по себе действия, предпринимаемые многонациональными силами, не должны наносить непосредственный ущерб противостоящей стороне. Непосредственная поддержка также включает действия, которые влияют на противника *лишь в совокупности* с другими действиями, предпринимаемыми поддерживаемой стороной. В таком случае действия многонациональных сил должны считаться составной частью конкретных скоординированных военных операций, выполняемых поддерживаемой стороной, которые наносят непосредственный ущерб противнику.

Иными словами, должна присутствовать тесная связь между действиями многонациональных сил, и ущербом, наносимым одной из воюющих сторон конкретными военными операциями, осуществляемыми ее противником. Например, переброска вооруженных сил поддерживаемого государства к линии фронта или предоставление самолетов для дозаправки

тельствах особое значение имеет согласие государства территориальной юрисдикции. Более подробную информацию о сфере применения норм МГП в географическом ракурсе можно найти ниже.

72. Когда подобное вооружение или боеприпасы немедленно не используются поддерживаемой стороной против противника, причинно-следственная связь между их поставкой и вредом, причиняемым поддерживаемой стороной при их использовании, не является достаточно непосредственной, чтобы такая поддержка могла считаться неотъемлемой частью коллективного ведения военных действий.

реактивных истребителей в воздушных операциях, осуществляемых поддерживаемым государством, несомненно, вовлекают многонациональные силы в совместное ведение военных действий⁷³ и превращают их в сторону в уже происходящем вооруженном немеждународном конфликте.

В отношении второго условия остается тем не менее спорный вопрос: всегда ли должны быть доказаны повторяющиеся действия, прежде чем многонациональные силы можно считать стороной в уже существующем вооруженном немеждународном конфликте на основе поддержки, оказываемой ими вооруженным силам государства территориальной юрисдикции. В последнее время операции в пользу мира показали, что в значительной степени поддержка, предоставляемая многонациональными силами в рамках уже происходящего вооруженного немеждународного конфликта, не ограничивалась одним или двумя эпизодами, а обычно состояла из череды действий, которые велись на постоянной основе в течение значительного периода времени. Хотя в целом важнейшим фактором для того, чтобы выявить объем оказываемой поддержки, является повторяемость действий в поддержку стороны в уже существующем вооруженном немеждународном конфликте, в некоторых случаях один-единственный акт может превратить многонациональные силы в сторону в вооруженном конфликте. Такая ситуация складывается, например, когда соответствующий акт играет определяющую роль в способности поддерживаемой стороны проводить военные операции с целью уничтожения угрозы со стороны противника⁷⁴.

Третий критерий относится к связи между действиями, предпринимаемыми многонациональными силами, и уже существующим вооруженным немеждународным конфликтом. Данное требование выполняется тогда, когда действия многонациональных сил предпринимаются в *поддержку* стороны в уже существующем конфликте.

73 Термин «военные действия» не может ограничиваться непосредственными боевыми действиями, нейтрализацией какого-либо объекта или уничтожением (захватом) какого-либо лица. Он включает определенные действия по материально-техническому снабжению и разведке, а также действия подготовительного характера и, в совокупности, всю деятельность воюющей стороны, направленную на причинение ущерба противнику. Таким образом, «военные действия» в смысле МГП представляют собой совокупность враждебных действий или всех действий, наносщих ущерб противнику. Соответствующие действия должны быть направлены против противника или, по крайней мере, быть тесно связаны с подобными действиями. Поэтому, в смысле МГП, понятие военных действий имеет более широкое значение, нежели простое применение силы, и включает все насильственные и ненасильственные меры, которые являются составной частью одной и той же военной операции, направленной на уничтожение военного потенциала противника или на противодействие его военным операциям. Другими словами, термин «военные действия» можно приравнять к традиционно употребляемому термину «агрессивные действия», которые по своей природе или целям, а также порой в совокупности с другими акциями, предполагают нанесение ущерба личному составу или военной технике вооруженных сил противника. См.: Nils Melzer, *Targeted Killing in International Law*, Oxford University Press, Oxford, 2008, pp. 325–334.

74 Тем не менее вызывает сомнение, есть ли необходимость при определении оказываемой поддержки действовать с предельной осмотрительностью в связи с юридическими и практическими последствиями, касающимися правового статуса многонациональных сил. Осмотрительнее было бы подождать, пока такие действия не повторятся вновь и вновь, прежде чем можно будет сказать, что второе условие выполняется.

Если на первый взгляд кажется, что какое-либо действие преследует общие цели (например подавить угрозу со стороны негосударственной вооруженной группы), это не обязательно означает, что операции многонациональных сил ведутся в поддержку одной из сторон в уже существующем вооруженном немеждународном конфликте. *A fortiori*, разделяемые политические взгляды не являются достаточным основанием для вывода, что действия многонациональных сил ведутся от имени государства территориальной юрисдикции.

Поэтому установить существование подобной связи — непростая задача. Главная проблема здесь — определить, могут ли действия, совершаемые многонациональными силами в данных обстоятельствах, с достаточным основанием восприниматься как действия, направленные на поддержку стороны в уже существующем вооруженном немеждународном конфликте, то есть что они непосредственно направлены на военный потенциал противника или противодействуют его военным операциям. Иными словами, действия, предпринимаемые многонациональными силами, должны свидетельствовать о том, что два или более государств или международных организаций объединяют военные усилия или сосредоточивают силы и средства, чтобы сразаться с общим противником. Подобное сотрудничество или координация усилий между участниками военных действий стали бы достаточным доказательством коллективной природы таких операций, как этого требует подход, учитывающий оказываемую поддержку.

Поэтому данное условие требует объективного анализа того, какие цели преследуют действия многонациональных сил, предпринимаемые в контексте уже существующего вооруженного немеждународного конфликта. Создание специальных совместных военных механизмов или подписание соглашения, имеющего цель укрепить сотрудничество между многонациональными силами и вооруженными силами государства территориальной юрисдикции в отношении уже имеющего место конфликта, несомненно, будет указывать на определенную поддержку и, соответственно, на наличие необходимой связи. В случае каких-либо сомнений многонациональные силы не должны считаться воюющей стороной и они не будут связаны нормами МГП⁷⁵.

Однако оказание поддержки не должно быть основной задачей многонациональных сил. Что касается третьего условия, важно, чтобы из всей ситуации со всей определенностью следовало, что многонациональные силы не действуют исключительно в своих собственных интересах или себе во благо. Задача поддерживать вооруженные силы государства территориальной юрисдикции специально указывается среди задач, которые ставятся перед многонациональными силами во все большем количестве резолюций Совета Безопасности, служащих правовой основой для вмешательства в

75 Например, подобная ситуация будет иметь место, когда действия многонациональных сил настолько слабо ассоциируются с действиями стороны в уже происходящем конфликте, что возникают сомнения относительно того, можно ли действительно рассматривать такие действия как часть совместного ведения военных действий.

ситуацию со стороны многонациональных сил. Это облегчает задачу определения существующей связи.

Наконец, выявляя поддержку, оказываемую вооруженным силам государства территориальной юрисдикции, требуется принять во внимание наличие решения соответствующих органов власти государства, предоставляющего военный контингент, или органов международной организации. Данный критерий важен, так как он свидетельствует о намерении предоставляющего военный контингент государства и международной организации вмешаться в ситуацию в интересах поддерживаемой ими стороны и помогает не принимать во внимание действия, которые являются результатом ошибки или кажутся превышением полномочий (*ultra vires*)⁷⁶.

Когда такие критерии выполняются, они вне всяких обоснованных сомнений свидетельствуют о наличии агрессивного намерения со стороны многонациональных сил, поскольку ситуация является объективным доказательством их эффективного участия в военных операциях или иных враждебных действиях, направленных на нейтрализацию личного состава вооруженных сил противника и их боевых средств и (или) противодействие его военным операциям.

На основании такого подхода многонациональные силы считаются стороной в уже существующем вооруженном немеждународном конфликте. Поскольку такой подход позволяет установить, когда на заинтересованные стороны начинает распространяться действие норм МГП, он приобретает все большее значение, так как в современных вооруженных конфликтах все чаще действуют коалиции и альянсы нескольких государств и (или) международных организаций, чье участие в военных действиях может быть самым разнообразным.

Кто должен считаться стороной в вооруженном конфликте, когда в него вовлекаются многонациональные силы?

Как только установлено, что в соответствии с изложенными выше условиями многонациональные силы превратились в одну из сторон вооруженного конфликта, необходимо дать ответ на ряд важных вопросов. Кто из участников операции в пользу мира должен считаться стороной в вооруженном конфликте? Следует ли полагать, что стороной в конфликте становятся лишь государства, предоставляющие воинские контингенты? А как насчет международной организации⁷⁷, под чьим управлением и контролем находятся мно-

76 При этом действия с превышением полномочий (*ultra vires*) могут привести к возникновению международной ответственности соответствующего предоставляющего воинский контингент государства или соответствующей международной организации, однако сами по себе такие действия недостаточны для превращения их в сторону в уже существующем немеждународном вооруженном конфликте, поскольку у тех, кому может быть приписан подобный спорный акт, отсутствует агрессивное намерение.

77 При рассмотрении данного вопроса мы принимаем такую точку зрения: международные орга-

гонациональные силы? Могут ли международная организация и государства, предоставляющие воинские контингенты, все вместе считаться сторонами в вооруженном конфликте?

Как представляется, до сих пор на эти вопросы обращали мало внимания⁷⁸. Тем не менее эти вопросы важны и требуют более глубокого изучения, учитывая их правовые последствия.

Для всех международных организаций, участвующих в операциях в пользу мира, характерна одна общая черта: у них нет своих собственных вооруженных сил. Чтобы иметь возможность проводить операции в пользу мира, международной организации приходится полагаться на государства-участники в том, что касается предоставления вооруженных сил в ее распоряжение. Когда государства предоставляют воинские контингенты в распоряжение международной организации для проведения операции в пользу мира, они никогда не передают такой организации полный контроль над ними. Государства всегда в той или иной форме сохраняют контроль над теми воинскими контингентами, которые они на время предоставляют международной организации, так что даже тогда, когда такие контингенты действуют от лица организации, они одновременно продолжают действовать и как представители соответствующих государств. Подобный двойной статус вооруженных сил, участвующих в операциях в пользу мира, которые проводятся под контролем международных организаций, — как представителей и государства, и международной организации, — в значительной мере усложняет определение того, кто должен считаться стороной в воо-

низации, участвующие в операции в пользу мира, обладают правоспособностью по соблюдению норм МГП. Такая правоспособность зависит от наличия у международных организаций международной правосубъектности. В настоящей статье мы исходим из предположения, что материальная правоспособность международной организации участвовать в военных операциях предполагает ее субъективную правоспособность соблюдать нормы МГП. Другими словами, если учредительные документы международной организации явным или неявным образом предполагают возможность развертывания вооруженных сил в иностранном государстве и позволяют ей вносить свой вклад в поддержание международного мира и безопасности посредством военных действий, как только ее вооруженные силы вовлекаются в военные операции, достигающие уровня вооруженного конфликта, МГП может потенциально являться правовыми рамками для ее действий. Поэтому, безусловно, международная организация может стать воюющей стороной и по существу считаться стороной в вооруженном конфликте, как международном, так и немеждународном. Поскольку международные организации сами по себе не могут официально становиться участником каких-либо договоров по МГП, к международным организациям, участвующим в вооруженных конфликтах, могут применяться лишь нормы обычного международного гуманитарного права. См.: Robert Kolb, Gabriele Porretto and Sylvain Vité, *L'application du droit international humanitaire et des droits de l'homme aux organisations internationales, forces de paix et administrations civiles transitoires*, Bruylant, Bruxelles, 2005, pp. 121–128; Tristan Ferraro, 'IHL Applicability to International Organisations Involved in Peace Operations', *Proceedings of the 12th Bruges Colloquium, International Organisations' Involvement in Peace Operations: Applicable Legal Framework and the Issue of Responsibility*, 20–21 October 2011, Collegium No 42, Autumn 2012, College of Europe-ICRC, pp. 15–22.

78 См.: Marten Zwanenburg, 'International Organisations vs. Troop Contributing Countries: Which Should Be Considered as the Party to an Armed Conflict during Peace Operations?', *Proceedings of the 12th Bruges Colloquium, International Organisations' Involvement in Peace Operations: Applicable Legal Framework and the Issue of Responsibility*, 20–21 October 2011, Collegium No 42, Autumn 2012, College of Europe-ICRC, pp. 23–28; O. Engdahl, примечание 4 выше, pp. 233–271.

руженном конфликте при проведении операции в пользу мира под эгидой международной организации.

Чтобы дать ответ на этот сложный вопрос, необходимо посмотреть, как осуществляется оперативное управление войсками при проведении операции в пользу мира (военные называют это «Ц2» (C2))⁷⁹. Понимание структуры Ц2 и соответствующих уровней полномочий важно для понимания того, как функционируют операции в пользу мира, и правильного определения тех, кто обладает контролем над военными операциями и, в конечном итоге, кто из партнеров миротворческой операции должен считаться стороной в вооруженном конфликте.

В контексте операций в пользу мира не существует шаблонного подхода к Ц2. Структура Ц2 меняется в зависимости от операции и от конкретной международной организации. Настоящая статья не ставит своей целью тщательный анализ договоренностей в области Ц2 для всех операций в пользу мира, проводившихся в прошлом или проводимых в настоящее время⁸⁰. Тем не менее неоспоримым остается тот факт, что предоставляющие воинские контингенты государства никогда не делегируют международным организациям, участвующим в операциях в пользу мира, «всю полноту командования» над ними⁸¹. Они обычно передают таким организациям лишь вопросы «оперативного командования»⁸² или «опера-

79 Ц2 относится к властным полномочиям, которыми наделяются определенные лица или органы для руководства действиями вооруженных сил и осуществления контроля над ними. Большинство государств и международных организаций, например ООН и НАТО, разработали сложные и хорошо продуманные структуры Ц2, а также доктрины, цель которых — выполнение конкретных задач и обеспечение того, чтобы предоставленные в их распоряжение воинские контингенты действовали в соответствии с определенными инструкциями, касающимися правовых и политических вопросов. (См.: Terry Gill, 'Legal Aspects of the Transfer of Authority in UN Peace Operations', in *Netherlands Yearbook of International Law*, Vol. 42, December 2011, p. 45). Иными словами, структура Ц2 предусматривает определенные рамки, которые обеспечивают успешное совместное функционирование военных ресурсов, предоставляемых государствами, и международных организаций, в интересах выполнения общей миссии, которая обычно определяется Советом Безопасности ООН.

80 Более подробный анализ данного вопроса см.: Blaise Cathcart, 'Command and Control in Military Operations', in Terry Gill and Dieter Fleck (eds), *The Handbook of International Law of Military Operations*, Oxford, 2010, pp. 235–244; T. Gill, примечание 79 выше, pp. 37–68.

81 «Вся полнота командования» определяется НАТО как «военное руководство и ответственность командира издавать приказы для подчиненных. Это относится ко всем аспектам военных операций и администрирования и осуществляется исключительно в рамках национальных вооруженных сил». Термин «командование» применительно к международному контексту подразумевает меньшую степень полномочий, нежели применительно к внутринациональной ситуации. Ни один командир НАТО или командир в рамках коалиции не обладает всей полнотой командования над силами, находящимися в его подчинении, поскольку направляя свои контингенты в распоряжение НАТО, государства делегируют лишь оперативное командование или оперативный контроль. См.: NATO Standardisation Agency (NSA), *NATO Glossary of Terms and Definitions (English and French)* (hereinafter NATO Glossary), AAP-06, 2013, p. 2-F-7, доступно по адресу: <http://nsa.nato.int/nsa/zPublic/ap/aap6/AAP-6.pdf>.

82 НАТО определяет «оперативное командование» как «полномочия, даваемые командиру по постановке задач подчиненным командирам, развертыванию сил и сохранению или передаче контроля над действиями на оперативном и (или) тактическом уровне, как ему представляется необходимым» (NATO Glossary, примечание 81 выше, p. 2-O-3).

тивного контроля»⁸³. Однако что означают данные понятия с точки зрения права?

Выяснив, кто держит под контролем проведение операции в пользу мира, мы, в свою очередь, можем определить, кому — международной организации и (или) предоставляющим военные контингенты государствам — должны присваиваться военные операции, которые проводятся многонациональными силами⁸⁴. Иными словами, определение стороны в вооруженном конфликте в ситуации многонациональных операций сводится к вопросу об уровне контроля или полномочиях, которыми обладает международная организация в отношении сил, предоставленных в ее распоряжение.

Чтобы ответить на этот вопрос, сначала необходимо убедиться, кто считается отвечающим за военные операции многонациональных сил: международная организация, государства, предоставляющие военные контингенты, или это совместная ответственность. В этих целях необходимо определить наличие связи между действиями многонациональных сил и тем, кто является носителем международных обязательств, будь то международная организация и (или) предоставляющие военные контингенты государства. Здесь центральную роль будет играть понятие присвоения⁸⁵, так как его можно использовать для определения того, являются ли действия многонациональных сил действиями международной организации и (или) предоставляющих военные контингенты государств.

83 НАТО определяет «оперативный контроль» как «полномочия, даваемые командиру по управлению вверенными ему силами в интересах выполнения им конкретных задач, которые обычно ограничены по назначению, времени или месту; полномочия по развертыванию соответствующих подразделений и сохранению или передаче контроля над такими подразделениями на тактическом уровне. Он не включает полномочий по использованию элементов, входящих в состав таких подразделений, для выполнения каких-либо других задач. Также сам по себе он не включает полномочий по контролю в административной или материально-технической сфере» (NATO Glossary, примечание 81 выше, р. 2-О-3). Хотя в целом вооруженные силы используют одну и ту же терминологию, такие термины, как «вся полнота командования», «оперативное командование» и «оперативный контроль», могут иметь различное значение в разных государствах или в разных международных организациях. Определение «оперативного контроля» в ООН равносильно значению термина «оперативное командование» в рамках НАТО. См.: UN, Department of Peacekeeping Operations and Department of Field Support, *Authority, Command and Control in UN Peacekeeping Operations*, 15 February 2008, Ref. 2008.4, р. 4.

84 Вопрос еще более осложняется тем, что в практике государств нет последовательности в присваивании поведения в рамках операций в пользу мира, а также разногласиями в позиции государств относительно того, кто может квалифицироваться как сторона в вооруженном конфликте, например во время операций, проводимых под эгидой НАТО. См.: Giorgio Gaja, *Second Report on the Responsibility of International Organisations*, International Law Commission, 56th session, UN Doc. A/CN.4/541, р. 4. Также см.: O. Engdahl, примечание 4 выше.

85 «Присвоение» представляет собой процедуру установления связи между действием и лицом или структурой, ее совершающей. Такая процедура носит особенно деликатный характер, когда речь идет о коллективной структуре, например о государстве или международной организации, которые по необходимости прибегают к посредничеству физических лиц. Эта процедура состоит из двух этапов: на первом этапе устанавливается связь между действием (или рядом действий) и индивидом, во втором — определяется, совершает ли данный индивид или соответствующая группа лиц такое действие в рамках коллективной структуры, в результате чего действия подобных индивидов могут истолковываться как действия самой коллективной структуры. См.: Hervé Ascensio, 'La responsabilité selon la Cour International de Justice dans l'affaire du génocide bosniaque', in *Revue Générale de Droit International Public*, 2007/2, р. 288.

Действительно, для того чтобы определить, кто из участников операции в пользу мира является стороной в вооруженном конфликте, необходимо определить, какой структуре — международной организации и (или) предоставляющим воинские контингенты государствам — могут быть присвоены все военные акции, совершенные многонациональными силами во время проведения операции.

В МГП по вопросу присвоения не говорится ничего. В праве не содержится каких-либо конкретных критериев, позволяющих подтвердить, что действия, совершаемые многонациональными силами, могут быть присвоены какому-либо конкретному носителю международных обязательств. Поскольку в МГП конкретные критерии отсутствуют, в определении того, при каких условиях действия многонациональных сил могут быть присвоены международной организации и (или) государствам, предоставляющим воинские контингенты, приходится полагаться на общие нормы международного публичного права.

Применительно к нашей ситуации можно использовать положения международного права, касающиеся ответственности международных организаций за международно-противоправные деяния, а также имеющиеся в нем положения в отношении присвоения. Как совершенно верно отмечает Мартен Цваненбург, определение того, кто является стороной в вооруженном конфликте во время проведения операции в пользу мира, аналогично определению той структуры, которой должно быть присвоено поведение в целях международно-правовой ответственности:

В обоих случаях проблема состоит в установлении связи между действиями физических лиц и носителем международных обязательств... Если мы считаем, что международное право — это единая система, будет логично давать аналогичный ответ на схожие вопросы... Если мы принимаем подобную логику, это означает, что тест на определение того, кто [из участников операции в пользу мира] является стороной в конфликте, аналогичен тесту на определение структуры, которой должны быть присвоены те или иные действия⁸⁶.

Работа, проделанная в этой области права Комиссией международного права, дала возможность установить прямую связь между понятиями «контроль» и «присвоение». В этой связи вопрос о том, могут ли действия многонациональных сил быть присвоены международной организации и (или) предоставляющим воинские контингенты государствам, превращается в вопрос о том, как мы определяем понятие контроля.

В статье 7 Проектов статей об ответственности международных организаций, которые создавались с учетом операций в пользу мира, для присвоения действий многонациональных сил международной органи-

86 М. Zwanenburg, примечание 78 выше, р. 26.

зации используется критерий «эффективного контроля»⁸⁷. К сожалению, Комиссия международного права не дает определения понятию «эффективный контроль». Это открывает возможности для дальнейшего усовершенствования теста. Вот мнение Паоло Палчетти:

Применение подобного критерия значительно усложнило бы присвоение, так как во многих случаях было бы чрезвычайно сложно доказать существование подобного рода «эффективного контроля». Тем не менее, как представляется, для целей присвоения деяний откомандированных органов статья 7 не требует столь высокого уровня контроля. Как становится ясно из Комментария к данному положению, понятие «эффективный контроль» в контексте ответственности международных организаций не играет той же роли, что в контексте права, регулирующего ответственность государств.

Он также добавляет:

Статья 7 должна применяться более гибко, нежели при присвоении государству поведения одного из фактически действующих органов. В частности, присвоение — в отношении организации или направляющего государства — не обязательно зависит от демонстрации того факта, что данное поведение явилось результатом конкретных инструкций⁸⁸.

Таким образом, присвоение поведения в контексте операции в пользу мира открывает простор для толкований⁸⁹. Возникает вопрос: может ли понятие «эффективный контроль» согласно праву, регулирующему международ-

87 Ст. 7 Проекта статей об ответственности международных организаций, который был принят Комиссией международного права на ее 63-й сессии в 2011 г. и представлен вниманию Генеральной Ассамблеи ООН в качестве составной части отчета Комиссии о работе указанной сессии (A/66/10): Поведение органов или агентов, предоставленных в распоряжение международной организации государством или другой международной организацией: «Поведение органа государства или органа или агента международной организации, предоставленного в распоряжение другой международной организации, рассматривается по международному праву как деяние последней организации, если эта организация осуществляет эффективный контроль над таким поведением».

88 См.: Paolo Palchetti, 'The allocation of responsibility for internationally wrongful acts committed in course of multinational operations', in *International Review of the Red Cross*, 2013, № 891/892. Также см.: Paolo Palchetti, 'How Can Member States Be Held Responsible for Wrongful Actions Committed during Peace Operations Conducted by International Organisations?', *Proceedings of the 12th Bruges Colloquium, International Organisations' Involvement in Peace Operations: Applicable Legal Framework and the Issue of Responsibility*, 20–21 October 2011, Collegium No 42, Autumn 2012, College of Europe-ICRC, p. 100.

89 Для получения дополнительной информации по дискуссии, касающейся теста на определение присвоения действий, предпринимаемых негосударственными вооруженными группами, см.: D. Akande, примечание 44 выше, pp. 57 ff.; Marina Spinedi, 'On the Non-Attribution of the Bosnian Serbs' Conduct to Serbia', in *Journal of International Criminal Justice*, Vol. 5, 2007, pp. 829–838; Marco Milanovic, 'State Responsibility for Genocide', in *European Journal of International Law*, Vol. 17, No 3, 2006, pp. 553–604; Antonio Cassese, 'The Nicaragua and Tadic Tests Revisited in Light of the ICJ Judgment on Genocide in Bosnia', in *European Journal of International Law*, Vol. 18, No. 4, 2007, pp. 649–668; Jörn Griebel and Milan Plücker, 'New Developments Regarding the Rules of Attribution? The ICJ's decision in Bosnia v. Serbia', in *Leiden Journal of International Law*, 2008, pp. 601–622.

но-правовую ответственность международных организаций, и его очевидная гибкость действительно способствовать толкованию критерия «полный контроль», предложенного МТБЮ в деле Тадича⁹⁰, в частности когда понятие «контроль» используется для определения сторон в вооруженном конфликте в контексте операции в пользу мира?

Действительно, Международный суд (ICJ) в деле о геноциде признал, что применительно к классификации ситуации в соответствии с МПП понятие «контроль» может быть не столь строгим, как в интересах установления ответственности за нарушение международного права⁹¹. Определение того, кто является стороной в вооруженном конфликте во время операции в пользу мира, связано с вопросом классификации вооруженного конфликта и в этой связи допускает менее строгое толкование понятия «контроль» на основе критерия «полного контроля»⁹². Данный критерий может оказаться особенно полезным и в контексте операций в пользу мира, так как он с большей вероятностью приведет к присвоению структуре некоего количества деяний (в отличие от присвоения какого-либо отдельного действия), операции, которая созвучна принципам классификации в соответствии с МПП, что предполагает объективный анализ всего спектра военных действий, предпринятых теми, кто принимал участие в вооруженном насилии.

Тем не менее в свете недавних операций в пользу мира, таких как операции, проводившиеся силами ООН в ДРК, Африканского союза в Сомали и Мали и НАТО в Афганистане и Ливии применение критериев «полного контроля» или «эффективного контроля», по сути дела, вряд ли изменило бы определение того, кто среди участников операций в пользу мира должен считаться стороной в вооруженном конфликте.

На самом деле, внимательное изучение структуры Ц2 операций в пользу мира, проводившихся под управлением и контролем ООН, показывает, что предоставляющие военные контингенты государства обычно передают значительную часть своих полномочий в отношении войск, которые они предоставляют в распоряжение ООН. Анализ доктрины ООН по вопросу Ц2⁹³ в сочетании с обзором ее практического применения в таких

90 См.: ICTY, *The Prosecutor v. Tadić*, Case No. IT-94-1-A, Judgment (Appeals Chamber), 15 July 1999, para. 131. Указанный подход был также одобрен МУС при рассмотрении дела *The Prosecutor v. Lubanga Dyilo*, Case No ICC 01/04-01/06, Decision on the Confirmation of Charges (Preliminary Chamber), 29 January 2007, para. 211.

91 ICJ, *Application of the Convention on the prevention and punishment of the crime of genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, Judgment, 26 February 2007, ICJ Reports 2007, para. 404: «В той мере, в какой критерий «полного контроля» используется для определения того, является ли вооруженный конфликт международным, что составляло единственный вопрос, на который Апелляционная камера должна была дать ответ, вполне можно сказать, что данный тест может применяться и является допустимым».

92 Применение критерия «полного контроля» для определения сторон в вооруженном конфликте в ситуации, когда многонациональные силы оказываются втянутыми в военные действия, было предложено О. Энгдалом, см. примечание 4 выше.

93 См.: UN, Department of Peacekeeping Operations and Department of Field Support, *Authority, Command and Control in UN Peacekeeping Operations*, 15 February 2008, Ref. 2008.4, p. 24.

контекстах, как ситуация в ДРК, четко показывает, что, несмотря на многочисленные оговорки, которые делают предоставляющие войска государства⁹⁴, и возможность (ограниченного) вмешательства государств, ООН обычно осуществляет «оперативный контроль». С юридической точки зрения, это означает, что она осуществляет «эффективный контроль» (и *тем самым* — «полный контроль») над военными операциями, проводимыми войсками, предоставленными ей государствами⁹⁵.

Как представляется, с учетом приведенных выше соображений, в случае операций в пользу мира, проводимых под управлением и контролем ООН, существует презумпция, что лишь миссия ООН, а не предоставляющие военные контингенты государства (и еще в меньшей степени государства – члены ООН) должны считаться стороной в вооруженном конфликте, если силы ООН оказываются вовлечены в военные действия, достигающие порога вооруженного конфликта⁹⁶. Иными словами, официальные полномочия, которыми обладает организация, в сочетании с эффективно действующей структурой Ц2, создают презумпцию, что лишь миссия ООН, являясь вспомогательным органом ООН, должна считаться стороной в вооруженном конфликте⁹⁷. Аналогичная ситуация складывается, например, в отношении Африканского союза (АС), коль скоро его структура Ц2 схожа со структурой Ц2 в операциях, проводимых ООН. Соответственно, если миротворческие силы АС оказываются вовлечены в вооруженное насилие,

94 Оговорка — ограничения, которые накладывает государство на свои вооруженные силы или гражданский персонал, действующие под управлением и контролем международной организации, или иным образом предоставляемые такой организации, ограничения, которые не позволяют командующему силами миссии развертывать или применять их полностью в соответствии с одобренным планом операции.

95 Это было явным образом признано ООН, которая даже указала, что «тем не менее давно устоявшаяся позиция ООН состоит в том, что силы, предоставляемые Организации Объединенных Наций, «превращаются» во вспомогательный орган ООН, а это, как и в случае любого другого вспомогательного органа, влечет за собой ответственность организации вне зависимости от того, является ли контроль, который осуществляется в отношении всех аспектов операции, действительно «эффективным» (International Law Commission, Responsibility of International Organisations: Comments and Observations Received by International Organisations, 63rd session, 2011, UN Doc. A/CN.4/637/Add. 1, p. 13).

96 R. D. Glick, примечание 26 выше, р. 98: «Вследствие того, что ООН принимает на себя управление и контроль, она считается стороной в вооруженном конфликте и тем самым становится субъектом обязательств по МГП. Напротив, в связи с отсутствием контроля с их стороны предоставляющие войска государства не являются сторонами в вооруженном конфликте и непосредственно не отвечают за действия сил ООН».

97 Очевидно, что данная презумпция может быть оспорена, если имеются свидетельства тому, что предоставляющие военные контингенты государства регулярно вмешиваются в систему командования в такой степени, что ООН не может считаться обладающей управлением и контролем над операцией. При подобных обстоятельствах, в соответствии с МГП, стороной в вооруженном конфликте может считаться не ООН, а лишь государство. Важно отметить, что отдельные спорадические или ограниченные случаи вмешательства не должны считаться достаточными для лишения соответствующей международной организации статуса воюющей стороны, однако в данном случае, даже если международная организация остается стороной в вооруженном конфликте, нарушения международного права, явившиеся результатом вмешательства предоставляющего военный контингент государства, должны присваиваться такому государству, поскольку оно осуществляло эффективный контроль над конкретным оспариваемым деянием.

достигающее уровня вооруженного конфликта, стороной в вооруженном конфликте должна считаться лишь миссия АС, поскольку она является вспомогательным органом АС⁹⁸.

Ситуация с операциями в пользу мира, проводимыми НАТО, более сложная и отличается от ситуации с операциями под эгидой ООН. В связи с чрезвычайно сложным, специфическим характером структуры Ц2 в операциях НАТО (особенно в связи с той ролью, которую играют в структуре Ц2 предоставляющие воинские контингенты государства) можно, в принципе, считать, что когда войска НАТО принимают участие в операциях в пользу мира, достигающих порога вооруженного конфликта, стороной в таком конфликте является не только сама организация. Действительно, внимательное изучение доктрины НАТО в отношении Ц2 и ее применение в недавних операциях в пользу мира в Ливии и Афганистане обнаруживает, что представительство государств на стратегическом, оперативном и тактическом уровне таково, что государства очевидно обладают полномочиями воздействовать и возможностью вмешиваться на всех уровнях и этапах военных операций НАТО. Предоставляющие военные контингенты государства столь тесно объединены со структурой Ц2 НАТО, что практически невозможно отличить, сама НАТО или предоставляющие военные контингенты государства обладают эффективным и полным контролем над вооруженными силами, действующими в операции в пользу мира, проводимой НАТО. В свете таких обстоятельств операции НАТО должны присваиваться одновременно международной организации и предоставляющим военные контингенты государствам⁹⁹. Логическим правовым последствием этого, с точки зрения МГП, является то, что и НАТО, и предоставляющие военные контингенты государства (однако не все государства — члены НАТО) должны считаться сторонами в вооруженном конфликте¹⁰⁰.

Действительно, несмотря на то, что доктрина Ц2 НАТО предусматривает, что предоставляющие военные контингенты государства передают «оперативный контроль» командующему силами НАТО¹⁰¹, Питер Олсон,

98 Сказанное в предыдущем примечании также применимо к операциям в пользу мира, проводимым АС.

99 Двойное присвоение — то есть возможность одновременного присваивания одного и того же деяния государству и международной организации — было явным образом признано Комиссией международного права. Двойное присвоение может вполне допускаться в тех случаях, когда не совсем ясно, находится ли операция в пользу мира в ведении предоставляющих воинские контингенты государств или международной организации. Подобные ситуации могут возникнуть, когда они оба обладают официальным правом осуществлять властные полномочия в отношении войск и когда действия предпринимаются по взаимному согласию. См.: P. Palchetti, 'How Can Member States...?', примечание 88 выше, pp. 102–103; Christopher Leck, 'International Responsibility in United Nations Peacekeeping Operations: Command and Control Arrangement and the Attribution of Conduct', in *Melbourne Journal of International Law*, Vol. 10, 2009, pp. 12 ff.

100 Подобное определение делается в отношении каждого конкретного случая, с учетом характеристик каждой операции в пользу мира.

101 См.: NATO, *Allied Joint Doctrine*, AJP-01 (D), December 2010, доступно по адресу: www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/33694/AJP01D.pdf. Также см.: NATO, *Allied Joint Doctrine for the Conduct of Operations*, APJ-3 (B), March 2011, доступно по адресу: www.cicde.defense.gouv.fr/IMG/pdf/20110316_np_otan_ajp-3b.pdf.

бывший юридический советник Генерального секретаря НАТО, признает в настоящем выпуске Журнала, что «действия, предпринимаемые НАТО при ведении военных операций, за немногими исключениями, касающимися сил и средств, принадлежащих всему Альянсу, осуществляются контингентами, которые предоставляются отдельными участвующими в них союзниками или оперативными партнерами НАТО, и находятся под их командованием. Указанные государства сохраняют реальный и зачастую значительный ежедневный контроль над этими контингентами» (курсив автора).

Трудности в проведении различия между предоставляющими военные контингенты государствами и самой НАТО для определения того, кто из них должен квалифицироваться как сторона в вооруженном конфликте, также возникают в связи с распределением оперативных задач. Во время операций НАТО командующий силами организации не обладает никакими полномочиями в отношении содержания под стражей, так как данный вопрос относится исключительно к национальной компетенции и определяется каждым предоставляющим войска государством. НАТО не имеет права голоса в этом отношении¹⁰². Когда же речь идет о боевых операциях, прежде всего в воздухе, определение целей и военное планирование воздушных операций подпадает под сферу ответственности командующего силами НАТО и многонационального штаба НАТО, в то время как сами удары наносятся подразделениями, находящимися под национальным командованием в рамках всего оперативного контекста НАТО¹⁰³. Однако содержание под стражей и уничтожение сражающегося противника — эти оба действия обычно осуществляются сторонами в вооруженном конфликте. Поэтому то, что действия по содержанию под стражей остаются исключительно в ведении государства, предоставляющего военный контингент, а за ведение боевых операций отвечает командующий силами НАТО, еще раз демонстрирует двойственную природу проводимых НАТО операций и подкрепляет тот вывод, что в отношении операций в пользу мира, проводимых НАТО, сторонами в вооруженном конфликте должны считаться и НАТО, и предоставляющие военные контингенты государства¹⁰⁴.

102 Ibid.

103 Ibid.

104 Тем не менее в контексте операций в пользу мира в качестве средства для определения сторон в вооруженном конфликте был предложен так называемый «подход или-или». В соответствии с указанным подходом стороной может являться или международная организация, под эгидой которой проводится операция в пользу мира, или предоставляющие воинские контингенты государства, но не оба вместе. См.: Els Debuf, *Captured in War: Lawful Interment in Armed Conflict*, Pédone, 2013, p. 135. Дебюф считает, что вооруженные силы могут находиться под эффективным контролем либо государства их национальной принадлежности, либо международной организации. Признавая возможность совместной ответственности, она тем не менее отвергает потенциальную возможность «совместного эффективного контроля». Однако она не принимает во внимание возможность двойного присвоения поведения в контексте операции в пользу мира, на которую ссылается Комиссия международного права. Комиссия международного права признала возможность одновременного присвоения одного и того же поведения как государству, так и международной организации (см.: International Law Commission, UN Doc. A/CN.4/637/Add. 1, p. 18). «Подход или-или» также поддерживается М. Цваненбургом (см. примечание 78 выше, с. 27), который подчеркивает, что если считать и международную органи-

Для того чтобы не считаться стороной в вооруженном конфликте во время операции НАТО, некоторые предоставляющие военные контингенты государства могут попытаться прибегнуть к сложным юридическим построениям и заявить, что они будут участвовать в операции НАТО, достигающей порога вооруженного конфликта, в военном отношении, при этом не являясь в нем стороной с точки зрения МПП¹⁰⁵. Однако на практике и в рамках права трудно проводить различие в правовом статусе государств, принимающих участие в подобных операциях, с точки зрения МПП. Выполнение определенных военных действий в рамках подобных операций НАТО, особенно в тех случаях, когда они являются составной частью коллективных военных действий, будет придавать таким государствам статус воюющего. Подобное участие явится четким свидетельством агрессивных намерений со стороны участвующего государства. В данных обстоятельствах присутствует презумпция, хотя и спорная, что государства, принимающие участие в операции НАТО, которая достигает порога вооруженного конфликта, имеют статус стороны в вооруженном конфликте. Как верно замечает Ола Энгдал в отношении операции НАТО в Афганистане, «ISAF [то есть силы НАТО, действующие в Афганистане] представляют собой многонациональные силы под объединенным командованием и, по сути дела, невозможно разделить такие силы на те, которые участвуют, и те, которые не участвуют»¹⁰⁶. Противостоящая сторона, безусловно, не станет проводить такого различия и будет считать все предоставляющие воинские контингенты государства воюющими и, соответственно, военной целью, на которую можно законно совершать нападение в соответствии с МПП.

Применение МПП в отношении многонациональных сил: материальная сфера применения

Порой утверждают, что самого по себе участия многонациональных сил в вооруженном конфликте достаточно для превращения его в вооруженный конфликт международного характера и служит основанием для применения права, регулирующего международный вооруженный конфликт вне зависи-

зацию, и предоставляющее воинский контингент государство сторонами в вооруженном конфликте, это может привести к необоснованным результатам. В действительности, как считает Цваненбург, подобная ситуация означала бы, что два различных режима МПП (международное гуманитарное договорное право и обычное международное гуманитарное право) применялись бы в отношении одного и того же воинского подразделения. Однако данный аргумент несколько теряет значение, если принять во внимание тот факт, что во время операций НАТО действия по содержанию под стражей обычно выполняются исключительно государством, предоставляющим воинский контингент, а не самой НАТО. Замечание Цваненбурга имеет значение в случае объединенных действий, таких как воздушные операции, но его значение снижается, если учесть, что многие нормы договорного права, регулирующие ведение военных действий, в целом также считаются нормами обычного права.

105 В соответствии с такой точкой зрения было бы необходимо проводить различие между членами миссии НАТО на основе их участия в военных действиях, при том, что те, кто не участвуют в военных действиях, сохраняли бы так называемый «защищенный статус».

106 О. Engdahl, примечание 4 выше.

мости от правового статуса воюющих (то есть государств, международных организаций или негосударственных вооруженных групп)¹⁰⁷. Тем не менее далеко не все авторы разделяют подобную точку зрения¹⁰⁸.

Продолжаются споры по поводу того, что должно служить правовыми рамками: право, регулирующее международный вооруженный конфликт, или право, применимое к вооруженному немеждународному конфликту. В то время как на практике, возможно, нет различия в нормах, регулирующих ведение военных действий, так как большинство норм договорного права, применимых в международном вооруженном конфликте, также в целом применимы и в вооруженном немеждународном конфликте в силу их принадлежности обычному праву, данный вопрос приобретает значение, например, когда речь идет о статусе лиц, лишенных свободы, правовых основах для деятельности МККК или о географической сфере применения МГП.

Чтобы дать ответ на вопросы, относящиеся к классификации ситуации, МККК принял сегментированный подход к взаимоотношениям между воюющими, аналогичный подходу, принятому Международным судом в решении от 27 июня 1986 г. по делу о «Военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа» (*Никарагуа против Соединенных Штатов Америки*)¹⁰⁹. Данный подход разделяют МТБЮ¹¹⁰ и МУС¹¹¹. Он предполагает изучение и определение всех двусторонних отношений между воюющими с точки зрения МГП: если многонациональные силы сражаются против вооруженных сил государства, применяются нормы, регулирующие международный вооруженный конфликт, поскольку конфликт происходит между двумя структурами, имеющими международную правосубъектность (многонациональные силы в таком случае рассматриваются как вспомогательный орган международной организации или органы государств, которым они подчиняются). С другой стороны, если многонациональные силы сражаются с негосударственной организованной вооруженной группой,

107 В частности, см.: Daphna Shrager, 'The United Nations as an Actor Bound by International Humanitarian Law', in L. Condorelli et al. (eds), примечание 26 выше, p. 333; Paolo Benvenuti, 'The Implementation of International Humanitarian Law in the Framework of UN Peacekeeping', in *Law in Humanitarian Crisis: How Can International Humanitarian Law Be Made Effective in Armed Conflicts?*, Office for Official Publications of the European Communities, Luxembourg, 1995, pp. 96 ff.; Claude Emanuelli, 'Les forces des Nations Unies et le droit international humanitaire' in L. Condorelli et al. (eds), above note 26, pp. 357 ff.; Robert Kolb, *Droit humanitaire et opérations de paix internationales*, Bruyant, Brussels, 2006, pp. 57 ff.; Marco Sassoli, 'International Humanitarian Law and Peace Operations, Scope of Application *rationale materiae*', paper submitted to the 31st Round Table on Current Problems of International Humanitarian Law, above note 2, pp. 93–94; Eric David and Jean Salmon, *Droit international public*, Vol. 3, Presses Universitaires de Bruxelles, 2012, 26th edition, pp. 728 ff.

108 См., например: ICRC: 'International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts', примечание 40 выше, p. 10; Вите, С., примечание 41 выше.

109 См.: ICJ, *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Judgment, ICJ Reports 1986, para. 219.

110 См.: ICTY, *The Prosecutor v. Tadić*, Case No IT-94-1-T, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction (Appeals Chamber), 2 October 1995, para. 77.

111 См.: ICC, *The Prosecutor v. Lubanga Dyilo*, Case No. ICC-01/04-01/06, Decision on the Confirmation of Charges (Pre-Trial Chamber I), 29 January 2007, para. 209. Также см.: ICC, *The Prosecutor v. Lubanga Dyilo*, Case No. ICC-01/04-01/06, Judgment (Trial Chamber I), 14 March 2012, para. 536 and 565.

применяются нормы, регулирующие вооруженный конфликт немеждународного характера. Эти же нормы будут применяться и тогда, когда многонациональные силы выступают в поддержку вооруженных сил государства против негосударственной вооруженной группы или вооруженных групп в контексте уже имеющего место вооруженного немеждународного конфликта. Подобная ситуация характеризовалась как «многонациональный вооруженный немеждународный конфликт». Последний определяется как вооруженный конфликт, в котором многонациональные вооруженные силы сражаются бок о бок с вооруженными силами «принимающего» государства на его территории против одной или нескольких организованных вооруженных групп. Поскольку вооруженный конфликт происходит не между двумя или более противостоящими друг другу государствами (то есть поскольку все действующие лица, представляющие государство, находятся на одной и той же стороне), конфликт должен классифицироваться как немеждународный, вне зависимости от его международной составляющей, которая временами может быть весьма значительной¹¹².

Как представляется, сегментированный подход также имеет большое значение и для тех ситуаций, в которых участвуют многонациональные силы. То, что многонациональные силы вовлекаются в вооруженный конфликт и в целом действуют в соответствии с международным мандатом или санкцией, ни в коей мере не влияет на то, как работает сегментированный подход. Он остается наиболее целесообразным подходом для определения материальной сферы применения МГП.

Как уже указывалось, позицию, которой в настоящее время придерживается МККК, не разделяют некоторые ученые¹¹³. Собственно говоря, они предпочитают вариант интернационализации конфликта благодаря самому факту присутствия международных сил. Если исходить из такой точки зрения, то когда бы международные силы ни вовлекались в вооруженный конфликт, он обязательно будет приобретать международный характер и поэтому предполагать применение всего корпуса норм МГП. Подобная позиция привлекательна с точки зрения защиты, поскольку она означает, что жертвы и лица, выведенные из строя, будут пользоваться более многочисленными и подробными положениями МГП, касающимися защиты. Тем не менее позиция эта не стыкуется с некоторыми оперативными и правовыми реалиями.

В самом деле, позиция, заключающаяся в том, что право, регулирующее международный вооруженный конфликт, начинает применяться, как только в него вовлекаются многонациональные силы, сталкивается с рядом практически непреодолимых препятствий.

Во-первых, подготовительные материалы для Женевских конвенций 1949 г. показывают, что делегаты рассматривали право вооруженных немеждународных конфликтов как остаточный корпус права, которое будет применяться

112 См.: ICRC, 'International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts', примечание 40 выше, p. 10.

113 См. примечание 107.

лишь тогда, когда в вооруженном насилии не участвуют два или более государства. С этой точки зрения, можно сделать вывод о том, что когда в конфликте структура, обладающая международной правосубъектностью, выступает против негосударственной вооруженной группы, например группы повстанцев, применяется право вооруженных немеждународных конфликтов. Трудно найти точное правовое основание для позиции, которую занимают те авторы, которые поддерживают применение права, регулирующего международный вооруженный конфликт, в контексте многонационального вооруженного немеждународного конфликта. Подобная неопределенность также подтверждается на практике, поскольку нельзя утверждать, что доктрина, которую поддерживают отдельные авторы, подкрепляется оперативными реалиями. Более того, преобладающая точка зрения на продолжающуюся операцию в пользу мира в Афганистане против афганской вооруженной оппозиции состоит в том, что она представляет собой вооруженный немеждународный конфликт¹¹⁴.

В самом деле, в целях классификации в соответствии с МГП можно вспомнить, что «танго танцуют вдвоем». Это выражение удачно отражает связь между сторонами в вооруженном конфликте. При определении того, каким образом классифицировать вооруженный конфликт с участием многонациональных сил, нельзя рассматривать лишь одного из воюющих и на основе его международного статуса делать вывод о том, что конфликт носит непременно международный характер. Вооруженный конфликт — это отношение войны, в котором участвуют, по меньшей мере, две противостоящие друг другу стороны, которые неразрывно взаимосвязаны. В результате, чтобы определить, носит конфликт международный или немеждународный характер, в процессе классификации необходимо принимать во внимание природу не одного, а обоих воюющих¹¹⁵.

Во-вторых, позиция в пользу интернационализации конфликта, возможно, является неприемлемой для принимающего государства, для государств, предоставляющих воинские контингенты, и для организаций, отвечающих за действия указанных войск. Это объясняется тем, что применение права международных вооруженных конфликтов будет означать придание статуса комбатанта и военнопленного (коль скоро будут соблюдаться все необходимые критерии) членам вооруженных групп, воюющих против международных сил, и это само по себе сделает невозможным привлечение их к ответственности за то, что они взяли в руки оружие. Совершенно невозможно себе представить, что соответствующие государства откажутся от возможности, предоставляемой правом немеждународных воору-

114 См.: Françoise Hampson, 'Afghanistan 2001–2010' in E. Wilmshurst (ed.), примечание 41 выше, pp. 255–258.

115 E. Wilmshurst, in E. Wilmshurst (ed.), примечание 41 выше, p. 487: «Международные силы могут также участвовать в немеждународном вооруженном конфликте, где они сражаются бок о бок с вооруженными силами государства на его территории против одной или более организованных вооруженных групп. Хотя такая точка зрения и не лишена противоречия, целесообразнее рассматривать подобный конфликт как немеждународный, вне зависимости от международных составляющих многонациональных сил».

женных конфликтов, осуществлять судебное преследование повстанцев в соответствии с национальным законодательством лишь на том основании, что они взяли за оружие и выступили против правительства.

В-третьих, ряд ученых исходят из статьи 2(2) Конвенции о безопасности 1994 г. и утверждают, что вооруженный конфликт с участием сил ООН является международным по своей природе¹¹⁶. Эта позиция основывалась на ошибочном представлении, будто МГП и Конвенция 1994 г. взаимно исключают друг друга, а также на буквальном восприятии условия «...к которой применяется право международных вооруженных конфликтов», содержащегося в том же пункте. Однако история переговоров по данному документу свидетельствует о том, что представители некоторых государств специально выражали желание включить вооруженный немеждународный конфликт в сферу применения Конвенции. Некоторые делегаты однозначно заявляли о том, что когда в вооруженном немеждународном конфликте принимают участие силы ООН, Конвенция 1994 г. продолжает применяться и соответствующие силы продолжают пользоваться защитой, которая предоставляется данным документом.

В-четвертых, применение права международных вооруженных конфликтов означает, что соответствующие обязательства в рамках МГП будут применяться не только к многонациональным силам, но и к остальным воюющим сторонам, другими словами, к негосударственным вооруженным группам. Предполагается, что МГП является реалистичным и прагматичным корпусом права, основанным на принципе эффективности. Бессмысленно налагать на одну из сторон в конфликте обязательства, которые она не в состоянии выполнять из-за отсутствия достаточных возможностей. Право международных вооруженных конфликтов предназначалось для применения государствами, которые обладают такими материально-техническими средствами, которых не имеется у огромного большинства негосударственных вооруженных групп. Применение *de jure* всего корпуса МГП к негосударственным вооруженным группам, которые не способны выполнять его положения, лишит такие положения всякого смысла и, прежде всего, не позволит им достичь тех целей, ради которых они создавались. Право, которое систематически не выполняется, находится в зоне риска, риск, который мы не можем себе позволить, когда речь идет о *corpus juris* столь фундаментальном, как нормы, регулирующие ведение вооруженного конфликта. Поэтому значительно более реалистичный подход состоит в том, чтобы требовать от негосударственных вооруженных групп применения более простых положений права немеждународных вооруженных конфликтов.

Наконец утверждалось, что обязательства, возлагаемые на стороны вооруженного немеждународного конфликта, ограничены суверенитетом государства, пострадавшего от мятежных действий. Мартен Цваненбург указывает:

116 См.: Philippe Kirsch, 'La Convention sur la sécurité du personnel des Nations Unis et du personnel associé', in Claude Emanuelli (ed.), *Les casque bleus: policiers ou combattants*, Wilson et Lafleur, Montreal, 1997, p. 56; V. Koutroulis, примечание 26 выше.

«Еще одна точка зрения имеет в своем основании причины, лежащие в основе дихотомии «международный — немеждународный вооруженный конфликт», то есть государственный суверенитет. Большинство государств не желает предоставлять то, что они считают своим внутренним делом, на рассмотрение международной общественности и поэтому не стремятся согласиться с детальным регулированием конфликта немеждународного характера. Шиндлер утверждает, что предложение Норвегии на совещании экспертов в 1971 и 1972 г. принять один единый протокол по всем вооруженным конфликтам не нашел большой поддержки, так как «международное право должно принимать во внимание то, что мир поделен на суверенные государства и что эти государства не желают расставаться со своим суверенитетом. Они не хотят видеть на своей территории повстанцев, которые обладали бы теми же правами, что и вооруженные силы противника или их военнослужащие». ООН и НАТО же, в отличие от государств, не имеют территориального суверенитета, и в результате суверенитет для них не является причиной, по которой они не могли бы применять тот режим, который предлагает наивысший уровень защиты¹¹⁷.

Однако *аргументация*, лежащая в основе такого толкования применения права вооруженных немеждународных конфликтов, не может быть полностью перенесена на вооруженный конфликт, в который вовлекаются многонациональные силы. В огромном большинстве случаев такие силы осуществляют поддержку государства, в котором действуют негосударственные вооруженные группы, и, в конечном счете, именно поэтому они сражаются на стороне государственных войск. С этой точки зрения, когда международные силы приходят на помощь правительству для противостояния восстанию, ограничение применения МГП по соображениям суверенитета абсолютно правомерно и правильно.

Применение МГП к многонациональным силам: сфера применения в отношении лиц¹¹⁸

Вопрос применения МГП в отношении круга лиц имеет особую важность для «многоплановых» или «объединенных» операций в пользу мира, в чьи задачи может входить не только ведение военных действий против определенного противника, но также и такие важные виды деятельности, как участие в управлении экономикой и гражданском администрировании, в обеспечении

117 См.: M. Zwanenburg, примечание 1 выше, p. 185.

118 В настоящем разделе рассматривается ситуация, когда многонациональные силы уже стали стороной в вооруженном конфликте. Когда миротворческие миссии разворачиваются в контексте вооруженного конфликта, как международного, так и немеждународного, и не являются стороной в таком конфликте, правовой статус персонала миротворческих миссий с точки зрения МГП абсолютно ясен: они пользуются защитой, предоставляемой этим корпусом права гражданским лицам. Поэтому когда миротворческая миссия не действует в качестве воюющего, с точки зрения МГП весь ее персонал (то есть включая и ее военную составляющую) должен считаться гражданскими лицами.

верховенства закона, в разоружении- демобилизации- реинтеграции в общественную жизнь участников вооруженных групп, участие в политических процессах, содействие развитию прав человека и их защита, а также оказание гуманитарной помощи¹¹⁹. Для выполнения указанных задач «объединенные» операции в пользу мира используют смешанный состав, включающий военный, правоохранный и гражданский персонал. Выполнение различных задач, стоящих перед миротворческой миссией, которая превратилась в сторону в вооруженном конфликте, безусловно, поднимает вопрос о правовом статусе различных категорий персонала в соответствии с МГП¹²⁰.

В подобной ситуации, когда речь идет об объединенной операции в пользу мира, чтобы оценить степень предоставляемой МГП защиты, персонал миротворческой миссии должен быть разделен на различные категории. Для этого необходимо отдельно рассматривать положение, в котором находится военный, гражданский и правоохранный персонал.

От всех остальных категорий миротворческой миссии, участвующей в вооруженном конфликте, необходимо отличать ее военный персонал. Как только члены военного персонала операции в пользу мира начинают участвовать в вооруженном конфликте, они, в целях принципа различия, становятся комбатантами и, независимо от выполняемой ими функции в рамках военной составляющей миссии, теряют свое право на защиту от нападения в течение всего того периода, пока миротворческая миссия является стороной в вооруженном конфликте. В соответствии с МГП все миротворческие силы, оказавшиеся в подобной ситуации, становятся законными военными целями, начиная от рядового солдата и кончая командующим миротворческими силами (включая тех, кто принимает решения о проведении военной операции). Их статус законной цели в соответствии с нормами МГП применим ко всему составу военного контингента, даже если миротворческие силы состоят из различных подразделений, предоставляемых различными государствами, и если военные подразделения, из которых состоят миротворческие силы, в рамках миротворческой миссии получают разные задачи¹²¹. Таким образом, в соответствии с МГП их статус

119 По сути дела, «объединенные операции в пользу мира» в основном осуществляются под управлением и контролем ООН (в этой связи см.: *United Nations Peacekeeping Operations: Principles and Guidelines*, примечание 1 выше, р. 59).

120 Когда миротворческие миссии состоят лишь из военной составляющей, определение правового статуса их личного состава в соответствии с МГП — не столь сложная задача, поскольку это будет зависеть от участия таких миротворческих сил в вооруженном конфликте в качестве одной из сторон. В соответствии с МГП, как только они становятся стороной в вооруженном конфликте, будь то конфликт международный или немеждународный, весь военный персонал теряет свое право на защиту против непосредственных нападений и становится законной военной целью.

121 В отношении проводившейся ООН операции в пользу мира в ДРК (MONUSCO) высказывались и противоположные мнения (особенно после принятия Советом Безопасности Резолюции 2098 (2013), создавшей так называемую Бригаду оперативного вмешательства в рамках миссии), заключавшиеся в том, что военные подразделения миссии ООН должны различаться в соответствии с выполняемыми ими функциями. Принадлежать к стороне в вооруженном немеждународном конфликте будут лишь те, кто непосредственно участвует в боевых действиях; те же, кто занят выполнением других задач, не подразумевающих участие в боевых операциях,

и статус всех миротворческих сил определяется на основании классификации ситуации и применимых правовых рамок.

Гражданский персонал, участвующий в экономическом или политическом управлении, содействии соблюдению и защите прав человека, а также в оказании гуманитарной помощи, в смысле МГП должен считаться гражданскими лицами, независимо от того обстоятельства, что миротворческая миссия считается стороной в вооруженном конфликте. Необходимо проводить различие между гражданской составляющей миротворческой миссии и ее военной составляющей, в чьи задачи, среди прочего, входит ликвидация угрозы, исходящей от организованных вооруженных групп, которые противостоят миссии. Таким образом, гражданский персонал будет оставаться под защитой от прямых нападений и пользоваться защитой, которую МГП предоставляет гражданским лицам в том случае и на тот период, пока он не принимает непосредственного участия в военных действиях.

В самом деле, нельзя исключить возможности, что гражданский персонал миротворческой миссии может выполнять действия, непосредственно связанные с военными операциями, проводимыми миротворческими силами. Однако при каких обстоятельствах будет поведение гражданского персонала приравнено к непосредственному участию в военных действиях в смысле МГП?

Ответ на данный вопрос определяет, какие действия отдельного участника гражданской составляющей миротворческой миссии ведут к приостановке защиты от прямого нападения, которой пользуются гражданские лица. Понятие «непосредственное участие в военных действиях» относится к конкретным враждебным актам, которые совершает лицо (не входящее в военную составляющую миротворческой миссии) во время военных действий между сторонами в вооруженном конфликте либо международном, либо немеждународном.

С точки зрения МККК, для того чтобы квалифицировать конкретный акт, совершенный гражданским участником миротворческой миссии, как непосредственное участие в военных действиях, этот акт должен отвечать следующим критериям:

- Такой акт должен со всей вероятностью неблагоприятно воздействовать на военные операции или военный потенциал стороны, противостоящей миротворческим силам, или же приводить к смерти, ранению или уничтожению лиц или объектов, пользующихся защитой от прямого нападения (порог вреда), и
- Должна существовать прямая причинно-следственная связь между таким актом и вредом, который со всей вероятностью будет причинен этим актом или координированной военной операцией, составной

в соответствии с нормами МГП будут считаться гражданскими лицами. Обзор аргументов в защиту указанной точки зрения см.: Bruce 'Ossie' Oswald, 'The Security Council and the Intervention Brigade: Some Legal Issues', in *ASIL Insights*, Vol. 17, No 15, 6 June 2013, доступно по адресу: www.asil.org/insights.volume/17/issue/15/security-council-and-intervention-brigade-some-legal-issues.

частью которой является подобный акт (прямая причинно-следственная связь), и

- Такой акт должен быть специально направлен на то, чтобы привести к требуемому порогу вреда в поддержку военной составляющей миротворческой миссии в конфликте в ущерб стороне, противостоящей миротворческим силам (враждебная связь).

Совокупное применение всех трех требований (порог вреда, прямая причинно-следственная связь и враждебная связь) делают возможным проведение надежного различия между деяниями, составляющими непосредственное участие в военных действиях, и актами, которые хотя и происходят в контексте вооруженного конфликта, тем не менее не являются частью военных действий и поэтому не предполагают потерю защиты от прямого нападения.

Помимо этого, подготовительные меры для совершения конкретного акта непосредственного участия в военных действиях, а также развертывание для его совершения и возвращение из того места, где оно совершалось, также являются составными частями данного акта.

На этом основании лица, входящие в гражданский состав миротворческой миссии, которые принимают непосредственное участие в военных действиях, теряют защиту от прямого нападения на период каждого конкретного акта, приравняемого к непосредственному участию в военных действиях. Как только такие лица более не принимают непосредственного участия в военных действиях, они вновь обретают полную защиту от прямого нападения, которой пользуются гражданские лица, однако не освобождаются от преследования за все нарушения внутреннего законодательства или международного права, которые они могли за это время совершить¹²².

Ситуация в отношении правоохранительного компонента миротворческой миссии может отличаться в зависимости от того, как этот компонент используется руководством миротворческой миссии. Действительно, в соответствии с мандатом, данным им Советом Безопасности, члены правоохранительного контингента миссии в целом выполняют роль советников и задействуются в процессе подготовки сил местной полиции и других национальных правоохранительных органов и (или) в проведении операций правоохранительного характера (в большинстве случаев совместно с полицией государства, где происходит операция в пользу мира). Таким образом, в огромном большинстве случаев их задачи ограничены классической правоохранительной деятельностью и не имеют прямого отношения к военным операциям, которые могут вестись военным контингентом миротворческой миссии.

Выполняя задачи, имеющие отношение к правоохранительной деятельности, в целях МПП полицейский персонал должен считаться граждан-

122 См.: Nilz Melzer, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law*, ICRC, Geneva, 2009 (hereinafter ICRC Interpretive Guidance – «Разъяснительное руководство»). Также см.: ICRC, 'International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts', примечание 40 выше, pp. 42–45.

скими лицами и пользоваться защитой, предоставляемой данным корпусом права этой категории лиц.

Тем не менее когда правоохранительный персонал действует в трудной критической ситуации, может случиться так, что он лицом к лицу столкнется с членами организованных вооруженных групп, противостоящих миротворческим силам, и окажется втянутым в военные действия. В подобном случае следует проводить различие между этими двумя ситуациями¹²³.

Во-первых, если сотрудники полиции принимают непосредственное участие в вооруженном конфликте, которое носит спорадический или спонтанный характер, их следует рассматривать как гражданских лиц, принимающих непосредственное участие в военных действиях. Поэтому теория «вращающейся двери»¹²⁴ будет применяться к ним точно таким же образом, как она применяется к гражданским лицам, как это описывалось выше.

Во-вторых, в ряде исключительных обстоятельств в отношении правоохранительного персонала миротворческой миссии (а скорее в отношении лишь его части, например подразделения по борьбе с терроризмом) от командования миротворческой миссии может потребоваться принятие — официального или неофициального — решения обеспечить военную поддержку военного контингента миссии во время операций, направленных против вооруженных групп. Если возникает подобная ситуация, личный состав таких подразделений, оказывающих поддержку военному составу, по сути дела принимает на себя функции вооруженных сил, находящихся под командованием одной из сторон в вооруженном конфликте. В результате весь правоохранительный персонал, входящий в состав правоохранительных подразделений, получивших указание участвовать в боевых действиях (но только эти сотрудники), теряет иммунитет от прямого нападения вплоть до того момента, когда он перестанет входить в состав подобных подразделений или на продолжительный период времени освобождается от участия в военных операциях, которые проводятся военным контингентом миссии.

Наконец, как показывает практика недавнего времени, частные военно-охранные компании (ЧВОК) все чаще используются для выполнения задач, которые им ставит предоставляющее миротворческий контин-

123 Эти две ситуации не влияют на неотъемлемое право правоохранительного персонала на самооборону. Например, в использовании полицейским персоналом силы в целях самообороны или для защиты других лиц против актов насилия, запрещенных нормами МПП, враждебная связь отсутствует. Если бы самооборона против запрещенного насилия вывела за собой потерю защиты против прямого нападения, это привело бы к абсурдным последствиям, когда ранее незаконное нападение приобрело бы легитимный статус. Поэтому использование необходимой и соразмерной силы в подобных ситуациях не может считаться непосредственным участием в военных действиях. См.: ICRC Interpretive Guidance, примечание 122 выше, р. 61.

124 В соответствии с этой теорией потеря гражданскими лицами защиты от прямого нападения и ее повторное обретение ими зависит от их непосредственного участия в военных действиях. Иными словами, продолжительность периода, на который они теряют защиту от прямого нападения, зависит от начала и конца «непосредственного участия в военных действиях». См.: Nils Melzer, 'Keeping the Balance between Military Necessity and Humanity: a Response to Four Critiques of the ICRC's Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities' in *New York University Journal of International Law and Politics*, Vol. 42, No 3, Spring 2010, pp. 883 ff.

гент государство или международная организация, участвующая в операции в пользу мира¹²⁵. В настоящее время ООН заключает с ЧВОК контракты на охрану мест расположения гражданского состава и объектов материально-технической поддержки¹²⁶. В целом, функции, выполняемые ЧВОК от лица миротворческой миссии, особенно в тех случаях, когда последняя действует под управлением и контролем ООН, никак не связаны с коллективным ведением военных действий и не включают в себя традиционные функции вооруженных сил. Тем не менее нельзя исключить возможности, что во время операций в пользу мира ЧВОК могут использоваться или уже использовались в боевых целях. В таком случае необходимо проводить различие между ситуациями, когда участие ЧВОК в боевых действиях носит спорадический, несистематический или спонтанный характер, и ситуациями, когда они постоянно вовлекаются в такие действия в результате решения, принятого командованием миротворческой миссии.

В первом случае, то есть участвуя в военных операциях без специального указания стороны в конфликте, от имени которой они выступают, с точки зрения МГП сотрудники ЧВОК все еще считаются гражданскими лицами и теряют защиту от прямого нападения лишь на тот период, когда они принимают непосредственное участие в военных действиях. Их положение будет аналогично положению правоохранительного персонала, чье участие в военных действиях носит спорадический или спонтанный характер. Критерии для определения того, принимают ли они непосредственное участие в военных действиях, будут теми же самыми, которые действуют в отношении любого гражданского лица. Тем не менее с учетом той роли, которую играют подобные компании, необходимо обращать особое внимание на близость в организационном плане, наблюдаемую между ЧВОК, с одной стороны, и военным контингентом и операциями миротворческой миссии — с другой.

Однако во втором случае (то есть когда ЧВОК принимают участие в боевых действиях на регулярной основе, обычно по приказу или с молчаливого согласия миротворческой миссии) очевидно, что по сути дела ЧВОК во всех отношениях являются одним из компонентов миротворческих сил, независимо от того, предшествовала ли этому формальная процедура или это имеет место фактически, поскольку им поставлена задача систематического исполнения военных функций. В таком случае их персонал становится участниками организованных вооруженных сил, группы или подразделения, находящиеся под ответственным командованием стороны в вооруженном конфликте¹²⁷. На этом основании, в соответствии с МГП, они уже не могут квалифицироваться как гражданские лица и превращаются в законную цель на весь период выполнения ими военных функций.

125 См.: Chia Lehnardt, 'Peacekeeping', in Simon Chesterman and Angelina Fisher (eds), *Private Security, Public Order: the Outsourcing of Public Services and Its Limits*, Oxford University Press, Oxford, 2009, pp. 205–221.

126 См.: Åse Gilje Østensen, *UN Use of Private Military and Security Companies, Practices and Policies*, SSR Paper 3, DCAF, 2011, p. 15.

127 См.: ICRC Interpretive Guidance, примечание 122 выше, pp. 37–40.

Применение норм МГП в отношении многонациональных сил: *rationae temporis*

Еще одним важным вопросом является продолжительность применения норм МГП после того как многонациональные силы превратились в сторону в вооруженном конфликте, а также то, какое влияние это оказывает на продолжительность подобной потери защиты от прямого нападения.

Высказывались мнения, что многонациональные силы, вовлеченные в вооруженный конфликт, будут связаны обязательством выполнять нормы МГП лишь в течение того времени, когда они принимают непосредственное участие в военных действиях¹²⁸, что ограничивает период, когда нормы МГП регулируют их действия, и когда они, в соответствии с МГП, могут стать объектом прямого нападения. Ученые, придерживавшиеся подобного узкого подхода, изначально руководствовались тем, что Бюллетень Генерального секретаря (1999 г.) предоставлял правовое основание, которое оправдывало подобное ограничительное толкование применения МГП во времени в тех случаях, когда многонациональные силы становятся стороной в вооруженном конфликте¹²⁹.

Далее, Дафна Шрага заметила, что применение норм МГП к силам ООН ограничивается периодом выполнения ими «боевой задачи» и заканчивается, как только «заканчивается выполнение боевой задачи, независимо от того, квалифицируется ли ситуация в целом как вооруженный конфликт»¹³⁰. Сторонники такой точки зрения считают, что когда силы ООН и многонациональные силы вообще становятся стороной в вооруженном конфликте, в соответствии с МГП они не должны считаться комбатантами (в техническом смысле слова), скорее они являются гражданскими лицами, принимающими непосредственное участие в военных действиях¹³¹. Данная позиция имела бы прямое воздействие на длительность применения норм МГП к действиям многонациональных сил.

128 См.: D. Shrags, 'The Secretary General's Bulletin...', примечание 61 выше, pp. 358–359.

129 Раздел 1.1 Бюллетеня Генерального секретаря ООН от 1999 г. гласит: «Основополагающие принципы и нормы международного гуманитарного права, изложенные в настоящем бюллетене, применимы к силам Организации Объединенных Наций, когда, находясь в ситуациях вооруженного конфликта, они активно участвуют в них в качестве комбатантов, *по мере и на все время их участия*» (курсив автора).

130 D. Shrags, 'The Secretary General's Bulletin...', примечание 61 выше, pp.358–359.

131 Определить правовое основание для подобного исключения из классического режима применения МГП к организованным вооруженным силам, таким как многонациональные силы, нелегко. Поскольку для установления правовых рамок, регулирующих операции в пользу мира (как это указывалось выше), некоторые исследователи указывают на особый статус многонациональных сил в соответствии с *jus ad bellum*, вполне возможно, что тот же самый аргумент может использоваться для оправдания узкого толкования действия МГП во времени в тех ситуациях, когда многонациональные силы принимают участие в вооруженном конфликте. Однако, как представляется, особый правовой статус миротворческих сил в соответствии с *jus ad bellum*, никак не может привести к толкованию норм МГП, которое противоречило бы одному из основных принципов МГП, а именно равенству воюющих сторон. Аргументы *jus ad bellum* не могут использоваться для узкого толкования продолжительности применения МГП.

Недавние решения МУС¹³² и Специального суда по Сьерра-Леоне¹³³ также следуют этой логике в отношении сил ООН и говорят о том, что те теряют право на защиту от прямого нападения в течение того времени, когда они принимают непосредственное участие в военных действиях.

Хотя данный аргумент может представлять определенный интерес, поскольку он усиливает защиту от прямого нападения, предоставляемую МГП миротворцам ООН, ограничивая их подверженность таким нападениям во времени, подобная логика отражает весьма узкое (и ошибочное) толкование применимости МГП в отношении многонациональных сил с точки зрения *ratione temporis*.

Позиция, занятая МУС и Специальным судом по Сьерра-Леоне по приведенным выше делам отражает неправильное представление о структуре МГП. Анализ международных трибуналов ошибочен, так как в нем смешиваются два совершенно разных понятия, используемых в МГП: понятие гражданского лица, «принимающего непосредственное участие в военных действиях», и понятие комбатанта. МГП проводит четкое различие между этими двумя понятиями и не дает оснований применять по отношению к комбатанту, как он определяется в данном корпусе права, потерю защиты от прямого нападения, которое применимо к гражданским лицам, которые принимают непосредственное участие в военных действиях.

Действительно, понятие «непосредственное участие в военных действиях» в соответствии с МГП было сформулировано исключительно в целях применения к действиям, совершаемым отдельными лицами, которые никак не связаны с вооруженными силами государства или с военным крылом негосударственной вооруженной группы. Согласно МГП потеря защиты, ограниченная временем совершения конкретного действия, предназначена для применения исключительно в отношении неорганизованных действий спонтанного или sporadического характера, которые осуществляются не личным составом вооруженных сил, а гражданскими лицами.

Расширение понятия «непосредственное участие в военных действиях» за пределы действий, совершаемых отдельными лицами и имею-

132 См.: ICC, *The Prosecutor v. Abu Garda*, Case No ICC 02/05-03/09, Decision on the Confirmation of Charges (Pre-Trial Chamber I), 8 February 2010, paras. 78 ff, in particular para. 83, где говорится следующее: «Большинство пришло к заключению, что в соответствии со Статутом, персонал, участвующий в миротворческой миссии, пользуется защитой от нападения, за исключением случаев и в течение того времени, когда они принимают непосредственное участие в военных действиях или в деятельности, связанной с ведением боя»; ICC, *The Prosecutor v. Abdallah Banda et al.*, Case No. ICC 02/05-02/09, Decision on the Confirmation of Charges (Pre-Trial Chamber), 7 March 2011, paras. 61 ff.

133 См.: Special Court for Sierra Leone (SCSL), *The Prosecutor v. Hassan Sasay*, Case No. SCSL 04-15-T, Judgment (Trial Chamber), 2 March 2009, para. 233: «С точки зрения Камеры, здравый смысл говорит о том, что миротворцы считаются гражданскими лицами до того момента, пока они подпадают под определение гражданских лиц, сформулированное в отношении некомбатантов в обычном международном праве и в соответствии с Дополнительным протоколом II, как уже говорилось выше, а именно они не принимают участия в военных действиях. Камера также считает, что по логике вещей персонал миротворческих миссий имеет право на защиту до тех пор, пока во время свершения предполагаемого нарушения они не принимают непосредственного участия в военных действиях, становясь, таким образом, комбатантами.

щих спорадический, спонтанный или неорганизованный характер, как это происходит в вышеприведенных случаях, размывало бы границу, которую проводит МГП, между временной потерей защиты гражданскими лицами на основе предпринимаемых ими действий и продолжительной потерей защиты в связи со статусом и выполняемой функцией, которая происходит в тех случаях, когда сторонами в вооруженном конфликте являются вооруженные силы и прочие организованные вооруженные группы. В соответствии с МГП продолжительность потери защиты вооруженными силами зависит от критериев, не связанных с понятием «непосредственное участие в вооруженных действиях». Все лица из состава организованных вооруженных сил, которые становятся стороной в вооруженном конфликте (независимо от того, связаны ли они с предоставляющим военный контингент государством или международной организацией, действующими в интересах восстановления международного мира и безопасности), могут являться военной целью в силу своей принадлежности к таковым.

Поэтому, как представляется, понятие комбатантов, «принимающих непосредственное участие в военных действиях», как это сформулировано в недавних решениях МУС и Специального суда по Сьерра-Леоне, в МГП отсутствует. Подобная парадигма отрицала бы взаимоисключающий характер понятий «гражданское население» и «комбатанты» в рамках МГП¹³⁴ и подрывала бы понятийную целостность разделения лиц на категории, что лежит в основе принципа различия.

Для вооруженных сил, включая многонациональные силы, продолжительность потери защиты является более широким понятием, и это объясняется существованием надежной и обоснованной презумпции, что они будут участвовать в будущих военных операциях, направленных против противника. Применение подхода «непосредственного участия в военных действиях» к многонациональным силам повысило бы опасность смешения воюющих и гражданских лиц и тем самым подорвало бы принцип различия в соответствии с МГП. Это также создало бы нелогичное неравенство между ними и их оппонентами и дало бы многонациональным силам оперативное преимущество, поскольку противостоящая им сторона в вооруженном конфликте продолжала бы оставаться законным объектом прямого нападения в любое время. Это подрывало бы принцип равенства воюющих сторон, так как сторона, противостоящая силам ООН, не находилась бы в равных с ними условиях, что могло бы оказать отрицательное воздействие на соблюдение МГП сторонами в вооруженном конфликте. Насколько автору известно, миротворческие силы, включая силы НАТО в Ливии или Афганистане и силы АС в Сомали, никогда не прибегали к подобным аргументам и не заявляли, что утратили защиту от прямого нападения в резуль-

134 В соответствии с МГП, понятия «гражданское население» и «вооруженные силы» являются взаимоисключающими. Например, МТБЮ определил гражданских лиц как таких «лиц, которые не входят или уже не входят в состав вооруженных сил» (см.: ICTY, *The Prosecutor v. Blaskic*, Case No IT-95-14-T, Judgment (Trial Chamber), 3 March 2000, para. 180).

тате того, что их участие в вооруженном конфликте не было систематическим и не основывалось на их статусе.

Более внимательное изучение решений, вынесенных МУС и Специальным судом по Сьерра-Леоне, показывает, что, по всей вероятности, на них оказал влияние Римский статут 1998 г., в соответствии с которым намеренное совершение нападений на персонал операций в пользу мира является военным преступлением, если они имеют право на защиту, предоставляемую МГП гражданским лицам. При этом создатели Бюллетеня Генерального секретаря ООН и судьи МУС и Специального суда по Сьерра-Леоне, по всей видимости, могли неправильно истолковать формулировку, содержащуюся в статье 8(2)(b)(iii) и (e)(iii) Римского статута и расширительно истолковать ссылку на статус «гражданских лиц» в указанных положениях.

Тот факт, что в интересах защиты против прямого нападения многонациональные силы, *не участвующие* в вооруженном конфликте, имеют право на статус гражданских лиц¹³⁵ (по определению, так как бинарный подход «комбатанты — гражданские лица» в рамках МГП не оставляет места для промежуточного статуса), не означает, что, если они становятся стороной в вооруженном конфликте, с ними следует обращаться как с гражданскими лицами, принимающими непосредственное участие в военных действиях, и что они теряют защиту от прямого нападения на основе теории «вращающейся двери».

Если многонациональные силы могут считаться гражданскими лицами, когда они не являются стороной в вооруженном конфликте, последствия, возникающие при их вовлечении в конфликт с точки зрения потери защиты от прямого нападения, отличаются от последствий, возникающих в отношении гражданских лиц. Не следует смешивать правовой статус многонациональных сил, когда они не являются воюющими (то есть когда они по определению пользуются защитой, предоставляемой гражданским лицам), и последствия их вовлечения в вооруженный конфликт с точки зрения потери защиты от прямого нападения, когда они становятся стороной в вооруженном конфликте (то есть военные контингенты миротворческих миссий могут становиться военной целью в любое время в течение того периода, пока они остаются стороной в вооруженном конфликте).

Иными словами, когда многонациональные силы участвуют в вооруженном конфликте, потеря ими защиты от прямого нападения никак не может быть аналогична потере защиты, применимой в отношении гражданского населения.

Последствия выбранного варианта имеют принципиальное значение, поскольку, если мы согласимся с тем, что потеря многонациональными силами защиты от прямого нападения является продолжительной и основной на их статусе, это будет означать, что в соответствии с нормами МГП личный состав военного контингента миротворческой миссии может становиться законной целью в любое время (и может содержаться под стра-

135 Как указывалось выше.

жей) до тех пор, пока миротворческие силы не перестанут считаться стороной в вооруженном конфликте.

Поэтому с точки зрения *rationae temporis*, МГП применяется к многонациональным силам и непрерывно регулирует их действия¹³⁶ до тех пор, пока они являются стороной в вооруженном конфликте, международном или немеждународном. МГП перестанет применяться к многонациональным силам лишь тогда, когда они более не могут считаться стороной в вооруженном конфликте, в котором они ранее участвовали¹³⁷.

В тех случаях, когда многонациональные силы принимали участие в международном вооруженном конфликте, такой конфликт будет считаться законченным, как только вооруженная конфронтация между многонациональными силами и противостоящим им государством (государствами) прекратится до такой степени, что возникшую ситуацию можно будет с достаточным основанием считать общим прекращением военных операций¹³⁸.

В вооруженном немеждународном конфликте, где МГП применяется к многонациональным силам на основе классических критериев, они перестанут считаться стороной в конфликте по его окончании. Важно уточнить, что простая передышка в боевых действиях или военные действия низкой интенсивности недостаточны для прекращения применения МГП в отношении действий многонациональных сил. Поэтому можно сказать, что вооруженный немеждународный конфликт, в котором принимают участие многонациональные силы, закончился, когда:

- Негосударственная вооруженная группа, противостоящая многонациональным силам, прекратила свое существование или по каким-либо иным причинам более не удовлетворяет требованиям уровня организации, предъявляемым к ней МГП;

136 Со всеми последствиями, которые в результате возникают в связи с потерей персоналом миротворческой миссии защиты от прямого нападения.

137 Окончание вооруженного конфликта не означает, что международное гуманитарное право полностью перестанет применяться. Ряд конкретных положений будет применяться и по окончании вооруженного конфликта, в частности это положения, относящиеся к лицам, чье окончательное освобождение, репатриация или восстановление прежнего положения происходит после завершения конфликта. Такие лица продолжают пользоваться преимуществами, вытекающими из соответствующих положений Конвенций и Протоколов к ним до их окончательного освобождения, репатриации или восстановления их прежнего положения.

138 Понятие «общее окончание военных операций» было истолковано в комментарии МККК от 1958 г. как «окончательное завершение всех боевых действий между всеми их участниками». См.: Jean Pictet (ed.), *Commentary on the Geneva Conventions of 12 August 1949*, Vol. IV, *Geneva Conventions relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War*, ICRC, Geneva, 1958, p. 62. Позже, в комментарии МККК к Дополнительному протоколу I, было указано, что выражение «общее завершение военных операций» означает нечто большее, чем просто завершение активных военных действий, поскольку военные операции агрессивного характера не обязательно подразумевают вооруженное насилие и могут продолжаться, несмотря на отсутствие военных действий. См.: Yves Sandoz, Christophe Swinarski and Bruno Zimmermann (eds), *Commentary on the Additional Protocols*, ICRC, Geneva, 1987, p. 68. В этой связи можно предположить, что общее завершение военных операций будет включать не только окончание активных военных действий, но и прекращение военных маневров агрессивного характера, так что вероятность возобновления военных действий можно было бы с достаточным основанием исключить.

- Или же в тех случаях, когда военные действия прекратились и нет опасности, что они возобновятся вновь, в результате чего ситуация может быть признанной как общее завершение военных операций, в которых многонациональные силы действовали против конкретной противостоящей им стороны.

В том случае если многонациональные силы принимают участие в уже существующем вооруженном немеждународном конфликте, то, принимая во внимание оказываемую поддержку¹³⁹, МГП перестанет быть для них юридически обязывающим после того, как они в течение длительного времени не будут принимать участия в коллективном ведении военных действий. Поэтому отсутствие, в течение длительного периода времени, поддержки, которая оказывалась ранее одной из сторон в уже существовавшем вооруженном конфликте, будет являться достаточным основанием для того, чтобы считать, что многонациональные силы более не являются стороной в указанном конфликте.

Применение норм МГП к многонациональным силам: действие в пространстве

Настоящая работа была бы неполной, если не затронуть вопрос о применении МГП в пространстве в ситуации операций в пользу мира. Определение географической сферы действия МГП является важной, но трудной задачей — прежде всего потому, что современные вооруженные конфликты все в большей степени характеризуются отсутствием четкой линии фронта и динамичным изменением зоны боевых действий. Она усложняется еще больше, когда в вооруженном конфликте участвуют многонациональные силы, так как последние по определению привносят экстерриториальный элемент и часто действуют с военных баз, расположенных в третьих странах — факторы, которые имеют значение для определения действия МГП в пространстве.

Недавние операции в пользу мира со всей очевидностью показали, что решение вопроса о действии МГП в пространстве включает оперативный аспект. Для того чтобы прийти к более точному определению правовых рамок, регулирующих вооруженный конфликт с участием многонациональных сил, необходимо ответить на ряд важных вопросов. Применяется ли МГП исключительно на поле боя? Распространяется ли оно на всю территорию, где действуют многонациональные силы? Применяется ли МГП даже за пределами территории, где действуют многонациональные силы (то есть на собственной территории участвующих государств или на территории невоюющих государств, откуда могут вести свои операции участники военных действий)?

Высказывалось мнение, что применение МГП не выходит за строгие пределы границ поля боя¹⁴⁰. Подобные аргументы выдвигались в основ-

139 См. выше.

140 Обобщенную информацию на эту тему см.: Tristan Ferraro, "The Geographical Reach of IHL: the Law and Current Challenges", *Proceedings of the 13th Bruges Colloquium*, примечание 6 выше,

ном в контексте многонациональных вооруженных немеждународных конфликтов¹⁴¹. Как представляется, они обусловлены следующей логикой. Во-первых, ограничение применения МГП зоной сражений может дать основания для утверждений, что за пределами зоны боевых действий предоставляющие военный контингент государства не могут считаться сторонами в вооруженном немеждународном конфликте. К тому же, во-вторых, подобный подход обеспечил бы участие многонациональных сил в вооруженном конфликте, однако за пределами поля боя они вновь обретали бы защиту, предоставляемую гражданским лицам в соответствии с МГП, или продолжали бы пользоваться такой защитой.

В академических исследованиях¹⁴² и судебных решениях¹⁴³ оформилась и другая, не столь ограничительная, однако тем не менее весьма узкая точка зрения. На основе простых выражений вводного абзаца общей статьи 3 Женевских конвенций, утверждается, что в пространственном отношении действие права, регулирующего вооруженный немеждународный конфликт, ограничено территорией государства, в котором возник и в основном протекает вооруженный конфликт.

Как представляется автору настоящей работы, ни один из указанных аргументов не находит поддержки в МГП. В истории создания МГП нет ничего, что могло бы послужить основанием для вывода, что фраза, касающаяся территории, была намеренно сформулирована таким образом, чтобы увязать применение МГП в пространстве с полем сражения или с территорией какого-либо одного государства¹⁴⁴. В этом смысле общую статью 3 можно рассматривать как применимую ко всем конфликтам, за исключением конфликтов, происходящих между государствами, коль скоро вооруженный немеждународный конфликт возник на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон Женевских конвенций¹⁴⁵.

Даже если договорное право практически ничего не говорит о сфере

pp. 105–113. Тем не менее автор настоящей статьи не разделяет подобных узких взглядов.

141 Обычно не вызывает возражений, что в ситуации международного вооруженного конфликта, независимо от участия в нем многонациональных сил, МГП применяется на всей территории воюющих сторон. См., например: D. Fleck, примечание 41 выше, pp. 39–51; Y. Dinstein, примечание 15 выше, p. 19.

142 См.: Lindsay Moir, *The Law of Internal Armed Conflict*, Cambridge University Press, Cambridge, 2002, p. 31. Основным источником, цитируемым для доказательства этой точки зрения, являются Комментарии МККК к Женевским конвенциям, в которых Жан Пикте однозначно заявляет, что данная статья применима к немеждународному конфликту, происходящему в пределах территории одного государства. См., например: Jean Pictet (ed.), *Commentary on the Geneva Conventions of 12 August 1949*, Vol. IV, *Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War*, ICRC, Geneva, 1958, p. 36: «В целом говоря, следует признать, что конфликты, о которых идет речь в статье 3, являются вооруженными конфликтами, в которых с каждой стороны вооруженные силы участвуют в военных действиях – короче говоря, это конфликты, которые во многих отношениях напоминают международную войну, однако происходят в пределах территории одной страны».

143 См.: ICTR, *The Prosecutor v. Musema*, Case No. ICTR-96-13-A, Judgment (Trial Chamber), 27 January 2000, paras. 247–248.

144 Обзор истории написания общей статьи 3 см.: Anthony Cullen, *The Concept of Non-International Armed Conflict in International Humanitarian Law*, Cambridge University Press, Cambridge, 2010.

145 Ibid., pp. 140–142.

применения МГП в географическом отношении, внимательное изучение положений, применимых к вооруженному немеждународному конфликту, показывает, что они сформулированы таким образом, чтобы оправдать применение МГП за пределами границ поля боя¹⁴⁶.

Дальнейшее изучение вопроса показывает, что сфера применения МГП в географическом плане — вопрос устоявшегося прецедента в решениях международных трибуналов¹⁴⁷. Все эти трибуналы прибегали к более широкому толкованию сферы применения МГП в географическом отношении и обнаружили, что МГП применяется ко всей территории государства, затронутого вооруженным немеждународным конфликтом, и его применение не может ограничиваться полем боя. Например, МТБЮ в 2003 г. принял решение, в котором говорится, что, если соблюдены условия применения статьи 3 и Дополнительного протокола II, сфера их применения «распространяется на всю территорию государства, где имеют место военные действия, не ограничиваясь «фронтом военных действий» или «узким географическим пространством действительного театра боевых действий»¹⁴⁸.

Сегодня продолжающийся правовой дискурс по поводу сферы при-

146 Так, статья 3, общая для Женевских конвенций, предусматривает следующее: «С этой целью запрещаются и всегда и всюду будут запрещаться следующие действия». Хотя и не столь явно выраженные другие положения, например ст. 6(2) IV Женевской конвенции, ст. 3(b) Дополнительного протокола I и ст. 2(6) Дополнительного протокола II имеют тенденцию к более широкой интерпретации действия МГП в пространстве. Более того, стоит упомянуть, что ст. 49(2) Дополнительного протокола I, в которой идет речь о понятии нападения, подразумевает, что нападения могут совершаться на всей территории сторон в вооруженном конфликте. В этом отношении МТБЮ отмечал: «сфера применения по времени и пространству в отношении внутреннего вооруженного конфликта столь же широкая. Данная концепция получила отражение в том, что бенефициары статьи 3, общей для Женевских конвенций, — это те, кто не принимает активного участия (или более не принимает активного участия) в военных действиях. Это указывает на то, что нормы, содержащиеся в ст. 3, также применимы и за пределами узкого географического пространства непосредственного театра военных действий. Аналогичным образом некоторые формулировки Протокола II к Женевским конвенциям также указывают на широкую сферу применения. Во-первых, как и общая ст. 3, он явным образом защищает «всех лиц, связанных с таким конфликтом» также предпологает широкую сферу применения в географическом отношении. Необходимая связь заключается лишь в отношении между конфликтом и лишением свободы, а не в том, что лишение произошло во время сражения» (ICTY, *The Prosecutor v. Tadić*, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction (Appeals Chamber), 2 October 1995, para. 69).

147 См.: ICTY, *The Prosecutor v. D. Tadić*, Interlocutory Appeal on Jurisdiction (Appeals Chamber), paras. 67 and 70; ICTY, *The Prosecutor v. Kunarac, Kovac, and Vokovic*, Judgment (Appeals Chamber), 12 June 2002, para. 57; ICTR, *The Prosecutor v. Akayesu*, Judgment (Trial Chamber), 2 September 1998, paras. 635–636; Special Court for Sierra Leone, *The Prosecutor v. Brima, Kamara and Kanu*, Case No SCSL 04-16-T, Judgment (Trial Chamber II), 20 June 2007, para. 245; ICC, *The Prosecutor v. Lubanga Dyilo*, Case No. ICC-01/04-1/06, Judgment (Trial Chamber I), 14 March 2012, para. 533.

148 См.: ICTR, *The Prosecutor v. Semanza*, Judgment (Trial Chamber), 15 May 2003, para. 367.

менения МГП в географическом плане в контексте многонационального вооруженного немеждународного конфликта ведется уже не по поводу того, применимо ли МГП лишь на всей территории «принимающего государства», а по поводу того, применяется ли оно за пределами территории государства, в котором начался конфликт. В контексте указанной дискуссии необходимо задать вопрос: применяется ли МГП на территории государств, вмешавшихся в такой конфликт?

Ограничение территориального охвата применения МГП исключительно территорией государства, в котором начался вооруженный немеждународный конфликт, было бы слишком узким толкованием сферы применения МГП в географическом плане¹⁴⁹ и игнорировало бы новые черты, характерные для современного вооруженного немеждународного конфликта. В самом деле, последний имеет тенденцию выходить за пределы границ одного государства. Удачным примером тому являются получающие все более широкое распространение концепции вооруженного немеждународного конфликта, охватывающего другие государства (*spillover NIAC*), многонациональных вооруженных немеждународных конфликтов (*multinational NIAC*) или трансграничных конфликтов (*cross-border NIAC*)¹⁵⁰. Елена Пейич утверждает:

Как представляется ... текст [общей статьи 3] может иметь и иное толкование; в любом случае, в настоящее время содержащиеся в ней положения могут считаться все в большей степени применимыми к любой ситуации организованного вооруженного насилия, которое классифицируется как вооруженный немеждународный конфликт на основе критериев организованности и интенсивности, а соответственно, и к вооруженному немеждународному конфликту, переходящему за пределы границ одного государства¹⁵¹.

Часть авторов принимает подобную широкую точку зрения и поддерживает позицию, согласно с которой в ситуации вооруженного немеждународного конфликта МГП применимо не только к ограниченному театру военных действий, но и на всей территории государств, участвующих в таком

149 Подобный узкий подход нашел отражение в недавних рекомендациях Консультативного комитета по вопросам публичного международного права правительству, Палате представителей и Сенату Нидерландов, где отмечалось, что в ситуации немеждународного вооруженного конфликта международное гуманитарное право «применяется лишь на территории государства, где происходит конфликт» (Advisory Committee on Issues of Public International Law, main conclusions of advice on armed drones, The Hague, July 2013).

150 См.: Вите, С., примечание 41 выше; ICRC, 'International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts', примечание 40 выше, pp. 9–10. Более того, ст. 1 и 7 Устава Международного уголовного трибунала по Руанде распространяет юрисдикцию Трибунала на обеспечение исполнения права немеждународных вооруженных конфликтов на соседние с Руандой страны. Это подтверждает, что МГП, применимое во время вооруженного немеждународного конфликта, не ограничено территорией одного государства и распространяется на территорию смежных с ним невоюющих государств.

151 Jelena Pejic, 'The Protective Scope of Common Article 3: More than Meets the Eye', in *International Review of the Red Cross*, Vol. 93, No. 881, March 2011, p. 199.

конфликте¹⁵². Совершенно справедливо утверждается, что «общим направлением ... является широко распространенная интерпретация территориальной сферы применения МГП как не зависящей от понятия военных действий и распространяющаяся до географических границ соответствующих государств»¹⁵³. В контексте многонационального вооруженного конфликта немеждународного характера государства, вносящие вклад в военную составляющую операции, должны включаться в категорию «соответствующих государств», на территории которых действия, имеющие связь с продолжающимся конфликтом, будут регламентироваться нормами МГП.

Действительно, как представляется, в случае операций, где многонациональные силы сражаются с одной или более организованными вооруженными группами бок о бок с вооруженными силами «принимающего» государства на его территории, действие МГП расширяется и применяется также на территории «вмешивающихся» в конфликт государств (при условии, что контроль над их войсками не был передан международной организации, под эгидой которой выполняются военные операции). Иными словами, в контексте операций в пользу мира сфера применения МГП в географическом отношении охватывает всю территорию государств, принимающих участие в многонациональном вооруженном немеждународном конфликте. Военные действия, ведущиеся между сторонами в конфликте, регулируются нормами МГП, где бы они ни происходили в затронутых конфликтом государствах. Например, лицам, лишенным свободы в связи с многонациональным вооруженным немеждународным конфликтом, должна предоставляться защита, даже если места лишения свободы расположены не на территории государства, в котором начался конфликт, а на собственной территории вмешивающихся государств. Лица, захваченные в связи с многонациональным вооруженным немеждународным конфликтом, однако содержащиеся далеко от зоны боевых действий, тем не менее нуждаются в юридической защите и пользуются той защитой, которую предоставляет МГП. Любое иное толкование противоречило бы целям МГП по предоставлению защиты.

152 См.: Louise Arimatsu, 'Territory, Boundaries and the Law of Armed Conflict', in *Yearbook of International Humanitarian Law*, Vol. 12, 2009, p. 178; David Kretzmer, 'Targeting Killings of Suspected Terrorists: Extra-Judicial Executions or Legitimate Means of Defence?', in *European Journal of International Law*, Vol. 16, No 2, 2005, p. 195; Noam Lubell, *Extraterritorial Use of Force against Non-State Actors*, Oxford University Press, Oxford, 2010, p. 104; Steven Ratner, 'Predator and Prey: Seizing and Killing Suspected Terrorists Abroad', in *Journal of Political Philosophy*, Vol. 15, No 3, 2007, p. 261; Jann Kleffner, 'Scope of Application of International Humanitarian Law', in Dieter Fleck et al., *The Handbook of International Humanitarian Law*, Oxford University Press, 2013, pp. 56–57; Mutsa Mangezi, 'Localised Armed Conflicts: a Factual Reality, a Legal Misnomer', in *African Yearbook on International Humanitarian Law*, 2012, p. 84; Marco Sassòli, 'Transnational Armed Groups and International Humanitarian Law', Program on Humanitarian Policy and Conflict Research, Harvard University, *Occasional Paper Series*, No. 6, Winter 2006, pp. 8–9. Также см.: Maj. Sean Condrón (ed.), *U.S. Operational Law Handbook*, The Judge Advocate General Legal Center and School, US Army, Charlottesville, 2011, p. 156: «Сфера охвата [вооруженного конфликта немеждународного характера] расширилась и включает конфликты, выходящие за пределы границ одного государства».

153 Noam Lubell and Nathan Derejko, 'A Global Battlefield? Drones and the Geographical Scope of Armed Conflict' in *Journal of International Criminal Justice*, Vol. 11, No 1, March 2013, p. 70; M. Mangezi, примечание 152 выше, p. 84.

Данная позиция также оправдывается тем, что, становясь стороной в конфликте, государства, вмешивающиеся в многонациональный вооруженный немеждународный конфликт, не должны иметь возможности уклоняться от соблюдения принципа равенства воюющих сторон, который содержится в МГП. В результате деяния, которые, возможно, совершались в рамках военных действий негосударственной вооруженной группой на территории государства, вносящего вклад в многонациональную операцию, должны рассматриваться как подпадающие под территориальную сферу действия МГП и, при определенных обстоятельствах, могут считаться законными в соответствии с МГП¹⁵⁴. Примером тому могло бы послужить нападение со стороны соответствующих негосударственных структур на военный объект, расположенный на территории вмешивающегося государства.

Такая позиция особенно важна, так как некоторые государства, принимающие участие в многонациональных операциях, часто используют системы вооружений, такие как дистанционно пилотируемые летательные аппараты (то есть дроны) непосредственно со своей собственной территории и (или) пользуются расположенными там центрами управления. Утверждение, что нормы МГП не будут применяться на территории вмешивающихся государств, по сути создавало бы стимул для сторон, обладающих соответствующими средствами и материально-техническими возможностями, переместить свои военные мощности и, согласно МГП, получить для них иммунитет от прямого нападения, просто перевезя их туда, где они будут находиться за пределами сферы географического применения МГП. Это противоречило бы логике МГП и в определенном смысле могло бы восприниматься как конфликт с принципом равенства воюющих сторон, который лежит в основе данного корпуса права. Единственный способ избежать подобной ситуации — это согласиться с тем, что в контексте многонационального вооруженного немеждународного конфликта сфера географического применения МГП охватывает территорию государств, вносящих военный вклад в операцию в пользу мира.

Наконец проводимые ныне операции в пользу мира, такие как операция в Афганистане или ДРК, подняли вопрос о применении МГП на территории невоюющих государств, затронутых многонациональным вооруженным немеждународным конфликтом. Все большее число боевиков, принадлежащих негосударственным вооруженным группам, которые противостоят многонациональным силам, стремятся укрыться на территории невоюющего государства, обычно соседней страны, или проводить опера-

154 Если бы нападения были направлены против гражданских лиц или объектов, в соответствии с МГП они бы считались преступными и в качестве таковых подлежали уголовному преследованию, будучи к тому же военным преступлением. Более того, подобные действия, безусловно, будут считаться уголовным преступлением в соответствии с национальным законодательством соответствующего государства. Широкое толкование сферы территориального применения МГП не означает, что абсолютно каждый инцидент или каждое применение силы, в которых участвуют многонациональные силы, регулируется нормами МГП. Лишь акты, имеющие явную связь с продолжающимся немеждународным вооруженным конфликтом и соответствующими военными действиями, будут подпадать под действие норм МГП.

ции с его территории. Аналогичным образом государства, принимающие участие в многонациональных вооруженных немеждународных конфликтах, часто создают и используют в военных целях базы на территории невоюющих государств.

Как уже указывалось ранее, концепция вооруженного немеждународного конфликта, распространяющегося на другие государства (*spillover NIAC*), которая позволяет применять нормы МГП к военным операциям, переходящим на территорию соседних невоюющих государств, более не ставится под сомнение. В таком случае применение МГП к многонациональному вооруженному немеждународному конфликту, распространяющемуся на территорию других государств, поднимает новые вопросы в отношении территориальной сферы его применения: составляет ли сопредельность соседнего государства, на которое распространяется конфликт, необходимое условие для экстерриториального применения МГП? Применяется ли МГП на всей территории такого государства или оно будет ограничено зоной боевых действий или приграничными районами? Где проводить границу географической сферы применения МГП в подобных случаях? Некоторые, возможно, скажут, что если мы соглашаемся с экстерриториальным применением МГП в отношении вооруженных немеждународных конфликтов, которые переходят на территорию другого государства, то почему не применять его и к территории других невоюющих государств, если там находятся боевики или расположены военные объекты, принадлежащие стороне в многонациональном вооруженном немеждународном конфликте? Например, будет ли МГП регулировать нанесение бомбовых ударов по учебному лагерю негосударственных структур или по военной базе многонациональных сил, которые расположены в невоюющем государстве, однако используются для поддержки военных операций, проводимых в рамках многонационального вооруженного немеждународного конфликта?

На эти вопросы пока нет ответа, и они заслуживают дальнейшего рассмотрения в связи с теми последствиями, которые такие ответы будут иметь, в оперативном, гуманитарном и правовом отношении.